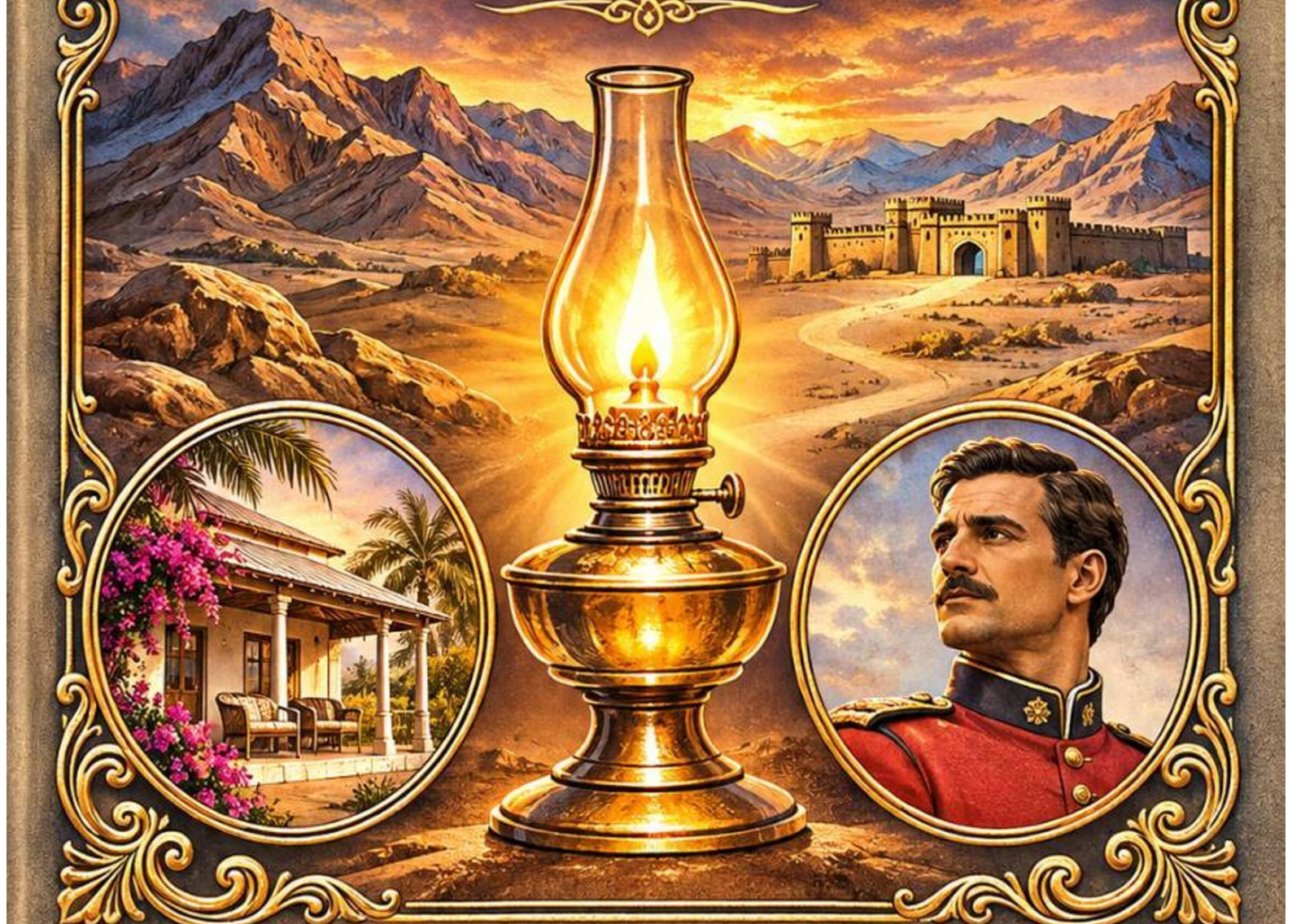
Этель М. Делл

Лампа в пустыне

История любви и долга
в Британской Индии

Этель М. Делл

Лампа в пустыне

«Автор»
2026

Делл Э.

Лампа в пустыне / Э. Делл — «Автор», 2026

Британская Индия, 1919 год. На раскаленной Северо-Западной границе, в суровом гарнизоне Пешавара, где каждый день проверяется на прочность человеческая воля, разворачивается пронзительная драма о долге, чести и скрытых страстях.Главная героиня, юная и искренняя Грейс Радмелл, прибывает в чуждый ей колониальный мир, полный жестких эдвардианских условностей, удушающей жары и непрерывных сплетен местного Клуба. Здесь ее судьба пересекается с майором Эверардом Монком — человеком суровым, молчаливым и непреклонным, чья внешняя холодность скрывает тяжелое бремя благородного самопожертвования. Между героями вспыхивает сложное, выстраданное чувство, разрываемое между личным счастьем и железными тисками воинского долга.Это классический роман о стойкости духа, искуплении и любви, способной стать маяком во мраке жизненных испытаний. Издание дополнено подробным историко-бытовым путеводителем и словарем колониальных реалий.

© Делл Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I 14
Глава II. Подсудимый 18
Глава III. Торжество 25
Глава IV. Невеста 30
Глава V. Сон 33
Глава VI. Сад 39
Глава VII. Змей в саду 44
Глава VIII. Запретный рай 51
Часть II 56
Глава II. Возвращение 59
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Этель М. Делл
Лампа в пустыне

Предисловие переводчика

Имя Этель М. Делл (Ethel M. Dell, 1881–1939) сегодня незаслуженно забыто у отечественного читателя, однако в первые десятилетия XX века она была одной из самых читаемых и тиражируемых писательниц англоязычного мира. Ее книги наряду с произведениями Э. П. Оппенгейма или Зейна Грея формировали золотой фонд популярной литературы эпохи позднего эдвардианства и георгианства. Современники зачитывались ее романами в годы Первой мировой войны и в бурные межвоенные десятилетия, находя в них убежище, эмоциональный накал и пронзительные истории о человеческой стойкости.

Роман **«Лампа в пустыне»** (*The Lamp in the Desert*), опубликованный в 1919 году, — классический образец британской «колониальной прозы» и одновременно глубокая психологическая драма. Местом действия Делл выбирает суровую, опаленную солнцем и ветрами Северо-Западную границу Британской Индии — регион, где за внешним блеском офицерских мундиров, зваными вечерами в гарнизонных клубах и мерным скрипом потолочных панков скрываются изломанные судьбы, тяжелые тайны и нешуточные страсти.

Особенность прозы Делл заключается в ее уникальном эмоциональном градусе. Ее герои — будь то замкнутый, суровый майор Эверхард Монк или хрупкая, но несгибаемая Грейс Радмелл — лишены глянцевого совершенства. Они совершают ошибки, борются с предрассудками своего круга, проходят через горнило недоверия и одиночества, которое автор метафорически уподобляет безводной пустыне. Само заглавие книги отсылает к образу немеркнущего света — верности, долга и истинной любви, способной согреть человека даже в самом глухом и безразличном уголке мира.

При переводе этого текста на русский язык перед нами стояла задача сохранить хрупкий баланс: не осовременить архаичную, слегка патетичную интонацию автора, но в то же время сделать ее живой, текучей и близкой современному читателю. Мы постарались бережно отнестись к реалиям британской колониальной армии образца 1910-х годов, специфике быта гарнизонов и характерному ритму английских диалогов того времени.

«Лампа в пустыне» — это не просто ретро-мелодрама из ушедшей эпохи Британской империи. Это вневременная история о том, как трудно порой разглядеть за внешней суровостью человека его истинное сердце, и о том, что даже самая темная ночь отступает перед светом человеческого тепла.

Приятного чтения.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные персонажи

В романе Этель М. Делл «Лампа в пустыне» действуют персонажи, чьи характеры и взаимоотношения отражают строгую иерархию колониального общества Британской Индии и высокий эмоциональный драматизм.

Главные герои

Грейс Радмелл (Grace Radmall) — чистая, юная и искренняя девушка, приезжающая из Англии в Британскую Индию. Оказывается втянута в сложный драматический треугольник и сталкивается с суровыми реалиями жизни на пограничной станции.

Майор Эверхард Монк (Major Everard Monck) — офицер индийской службы с мрачной репутацией, молчаливый, властный и сдержанный. За внешней жесткостью и суровостью скрывает глубокое чувство долга, преданность и способность к самопожертвованию.

Капитан Линдон / Ральф Линдон (Captain Ralph Lyndon) — обаятельный и привлекательный офицер, умеющий производить благоприятное впечатление, но проявляющий слабость и ненадёжность в критические моменты.

Второстепенные герои

Стелла Денверс (Stella Denvers) — верная и сострадательная подруга Грейс, помогающая ей адаптироваться к быту колониального гарнизона и поддерживающая её в моменты испытаний.

Капитан Томми Денверс (Captain Tommy Denvers) — муж Стеллы, опытный британский офицер, воплощающий образ честного и прямолинейного военного.

Капитан Робин Пирс (Captain Robin Pearse) — сослуживец и офицер полка, принимающий участие в жизни пограничного гарнизона.

Рейнджер (Ranger) — верный пёс майора Монка, являющийся не просто питомцем, но и важной детализирующей чертой характера своего хозяина.

Офицеры и слуги пограничного гарнизона — индийские ординарцы, аях (няни/служанки) и представители офицерского состава, формирующие аутентичный фон жизни на Северо-Западной границе.

География

География романа Этель М. Делл «Лампа в пустыне» играет ключевую роль в формировании атмосферы: она служит не просто фоном действия, а эмоциональным и символическим пространством, подчеркивающим изолированность, суровость и драматизм происходящих событий.

Основные локации и пространственная структура

Северо-Западная граница (North-West Frontier) — главный регион действия романа. В эпоху Британского владычества (ныне территории Пакистана) эта граница являлась ключевой военной форпостной зоной с постоянным напряжением, сложным рельефом и пыльными горными ландшафтами. В тексте она символизирует суровость, оторванность от цивилизованного мира и постоянное ощущение опасности.

Пешавар (Peshawar) и пограничные гарнизонные поселки (Stations) — узловые пункты дислокации британских офицерских полков. Включают в себя военные городки, офицерские собрания, гарнизонные клубы и жилые бунгало. Это замкнутый мир колониальной администрации со строгими внутренними правилами, сплетнями и устоявшимся социальным укладом.

Пустыня и предгорья (The Desert & Barren Hills) — открытое пространство вокруг гарнизона, выжженные солнцем равнины, каменистые перевалы и сухие каньоны. Пространство пустыни несет глубокую метафорическую нагрузку: это зона духовного одиночества, испытаний и скрытых угроз, где проверяются на прочность характер и чувства героев.

Англия (The Home Country) — далёкая родина персонажей, которая присутствует в воспоминаниях, письмах и контрастирует с палящим зноем и чуждостью индийской границы как символ уютного, мирного и безопасного прошлого.

Атмосфера

Атмосфера романа строится на резком, почти осязаемом контрасте между двумя мирами: суровым, выжженным пространством индийского пограничья и искусственно застывшим бытом английского колониального общества.

1. Внешний фон: Гнетающая знойная пустыня

Климатическое давление. Палящее солнце, пыльные бури, паника сухих ветров и бесконечные каменистые предгорья Северо-Западной границы создают постоянное ощущение физической и психологической изоляции.

Опасность за порогом. За пределами узкого круга гарнизона простирается враждебная и неизвестная территория, где любое мгновение может принести военную тревогу. Это держит героев в непрерывном эмоциональном напряжении.

2. Внутренний мир: Узкий круг гарнизона

Британский этикет против дикой природы. Внутри бунгало и гарнизонных клубов офицеры и их жены старательно воспроизводят светский быт Англии: вечерние платья, чаепития, формальные визиты и строгие социальные условности.

Замкнутость и слухи. В небольшом изолированном сообществе каждое слово и шаг находятся на виду, что обостряет личные тайны, драмы и недомолвки.

3. Эмоциональный градус: Георгианская мелодрама

Высокий пафос и сдержанность. Для стиля Этель Делл характерен романтический драматизм: глубокие, невысказанные страсти скрываются за сухим офицерским тоном и внешним хладнокровием.

Свет во тьме. Ключевой эмоциональный мотив — поиск тепла и искренней любви («лампы») посреди эмоционального холода, обмана и «душевной пустыни».

Проработка характеров

Проработка характеров в романе Этель М. Делл **«Лампа в пустыне»** строятся на классическом для эдвардианской и георгианской популярной прозы приеме: внешняя безупречность или суровость персонажей скрывает внутренние драмы, а выбор между долгом и чувством становится главным двигателем сюжета.

1. Психологические архетипы и их эволюция

Майор Эверхард Монк (Everard Monck): Архетип «Сурового покровителя»

Внешний пласт: Замкнутый, резкий, молчаливый офицер с мрачной репутацией. В гарнизоне его считают хладнокровным и черствым человеком.

Внутренний пласт: Обладает феноменальной способностью к самопожертвованию и верности. Его суровость — защита от прежней душевной боли.

Задача при переводе: Передать его речевую сдержанность. Речь Монка лаконична, состоит из коротких, веских фраз. В ней нет пустого флирта или избыточной вежливости, но каждое слово имеет вес.

Грейс Радмелл (Grace Radmall): Архетип «Пробуждающейся героини»

Внешний пласт: Юная, идеалистичная девушек из Англии, восприимчивая к романтическим порывам и чуткая к внешней красоте.

Внутренний пласт: Проходит путь от наивной доверительности к глубокой зрелости через столкновение с обманом, предательством и суровыми реалиями пограничной жизни.

Задача при переводе: В начальных главах ее интонации более легкие, эмоциональные и порывистые. К развязке ее язык становится более собранным и строгим.

Ральф Линдон (Ralph Lyndon): Архетип «Обаятельного антигероя»

Внешний пласт: Привлекательный, галантный, легко завоевывающий симпатии офицер.

Внутренний пласт: Эгоистичен, слабоволен и склонен к виртуозному самооправданию в критические моменты.

Задача при переводе: Важно сохранить мягкость, изящество и льстивый шарм его диалогов, за которыми проглядывает трусость.

2. Динамика взаимоотношений

Конфликт «Маска против Сущности»: Взаимодействие Монка и Грейс строится на постоянном недопонимании: Грейс сначала принимала внешнюю галантность Линдона за благородство, а суровость Монка — за жестокость.

Система двойников и контрастов:

Монк vs Линдон: Прямая противоположность чести и внешнего глянца.

Грейс vs Стелла: Наставничество опытнее подруги (Стеллы), знающей цену пограничной жизни, помогающее Грейс ориентироваться в колониальном обществе.

3. Речевые характеристики персонажей

Английский офицерский корпус (Монк, Денверс): Использование сухого военного жаргона, сдержанных формулировок, лаконичных ответов (*"Right", "Clear", "Duty first"*).

Светский круг гарнизона (женская линия): Выраженная вежливость, иносказания, следование эдвардианскому светскому речевому этикету.

Слуги и местное население: Подчеркнуто почтительные, традиционные формулы обращений, создающие колониальный колорит.

Язык персонажей и природы

В романе **«Лампа в пустыне»** (*The Lamp in the Desert*) Этель М. Делл мастерски использует прием **психологического пейзажа**: мир природы и язык героев сливаются воедино. Суровая индийская пустыня не просто служит декорацией, а отражает внутреннее состояние персонажей, их душевные бури, засуху одиночества или внезапные вспышки надежды.

1. Язык природы: Пейзаж как живой участник драмы

Природа у Делл — это стихия, которая давит, испытывает на прочность и диктует свои законы человеку.

Палящий зной и выжженная земля. Описания солнца, раскаленного воздуха и бесплодных холмов Северо-Западной границы передают атмосферу изнурения и душевного тупика. Для героев это проверка на выносливость.

Пыльные бури и ветры. Внезапные порывы ветра, поднимающие тучи песка, в тексте зеркально отражают эмоциональные срывы, смятение чувств или крушение иллюзий.

Свет и тени (Лот мотивов). Метафора света («лампа», «светильник») противопоставлена безликой тьме пустыни. Язык описаний меняется в зависимости от надежды: закаты и рассветы на пограничье даны через тревожные, но пронзительно-красивые золотисто-багровые тона.

2. Язык персонажей: Отражение внутренних бурь и масок

Речь каждого героя подчинена его социальному статусу и психологическому защитному механизму.

Язык майора Монка: Сдержанность и молчание.

Его фразы срублены лаконично, без лишних украшений. Там, где другие говорят комплименты, Монк молчит или бросает короткие, веские реплики.

Однако в минуты редких откровений его язык обретает неожиданную глубину, перекликаясь с простыми и вечными образами пустынного неба и верности долгу.

Язык Грейс Радмелл: Эмоциональный пульс.

В начале романа ее речь полна наивных восклицаний, романтических ожиданий и мягких интонаций молодой англичанки, еще не знающей суровости жизни.

По мере столкновения с реальностью ее лексика становится строже, исчезает легковесность, а в диалогах прорезаются драматические нотки.

Язык Ральфа Линдона: Обаяние и фальшь.

Его речевой портрет построен на избыточной галантности, красивых обещаниях и гладких формулировках. В его речах много «внешнего блеска», за которым скрывается внутренний страх и эгоизм.

3. Взаимодействие человека и стихии в тексте

Контраст британского уюта и дикой природы. Описания изысканного чая в фарфоровых чашках под увядающими панками внутри бунгало резко контрастируют с ревом ветра и бесконечной пылью за окном. Этот стилистический прием подчеркивает зыбкость человеческого уединения перед лицом суровой стихии.

Символизм пути. Передвижение героев между станциями, по горным перевалам и пустынным тропам всегда совпадает с их внутренними переломами: это путь от слепого доверия к горькой правде и духовному очищению.

Детали быта

Быт британской колониальной администрации в романе — это не просто исторический фон, а важнейший инструмент создания атмосферы. Этель М. Делл тонко показывает, как британцы пытались воссоздать уют викторианской и эдвардианской Англии посреди знойной, чуждой и враждебной Индии.

1. Колониальное жилище: Бунгало на границе

Архитектура и прохлада. Центром жизни гарнизона являются *бунгало* — одноэтажные широкие дома с верандами, защищенными от палящего солнца плетеными циновками (*chicks*).

Потолочные панки (*Punkahs*). Крупные матерчатые веера под потолком, которые непрерывно раскачивали местные слуги за веревки, создавая слабое движение воздуха в удуш-

ливой жаре. Звук скрипящего блока панки становится постоянным звуковым фоном многих сцен.

Интерьер как символ дома. Попытки смягчить суровость пограничья: английский фарфор, тяжелые шторы, книги, привезенные из метрополии, и неизменный вечерний чай, который подают с той же педантичностью, что и в лондонских гостиных.

2. Служба и бытовое обслуживание (Local Establishment)

Аяхи и ординарцы. В домах офицеров и их жен неизменно присутствуют индийские слуги. *Аях* (няня или горничная) ухаживает за женщинами и детьми, а *ординарцы* и денщики обеспечивают строгий армейский порядок.

Строгая иерархия. Быт гарнизона пронизан жестким классовым и расовым делением. Отношения с прислугой построены на уважении, но на строгой дистанции. Местный колорит проявляется в деталях одежды (белые одежды слуг, тюрбаны) и запахах (пряности, пыль, раскаленный песок).

3. Гарнизонный клуб и светская жизнь

Центр притяжения. Гарнизонный клуб (*The Station Club*) — единственное место культурной и социальной жизни в изоляции. Здесь офицеры и дамы собираются по вечерам, играют в теннис, пьют чай на верандах, обсуждают последние новости из метрополии и... сплетничают.

Дресс-код посреди пустыни. Даже на удаленной пограничной станции офицеры к ужину облачаются в мундиры по форме, а дамы следят за модой, заказывая платья из Лондона. Это парадное соблюдение приличий создает ощущение хрупкости: цивилизация держится на тонкой ниточке формы и этикета.

4. Передвижение и логистика

Паланкины, дули и лошади. Перемещение между пограничными постами и станциями происходит верхом или в крытых носилках (*паланкинах / дулях*), переносимых носильщиками, так как колесный транспорт по горным тропам Северо-Западной границы часто неэффективен.

Письма из дома. Почта и газеты, прибывающие из Англии с огромной задержкой, — главное событие недели. Ожидание писем часто становится триггером для драматических поворотов сюжета, так как весточка из метрополии может разрушить хрупкий покой гарнизона.

Часть I
Глава I. Выбор без выбора

Могучий хор британских голосов прорвался сквозь драгоценный занавес индийской ночи. В душной столовой офицерского собрания провозглашали тост, сопровождая его дружным пением. Восторженный гомон разносился далеко вокруг: все двери и окна были распахнуты настежь. Хотя жаркий сезон едва начался, зной уже стоял невыносимый. Маркестан пользовался в индийской армии славой одного из самых жарких уголков империи — во всех смыслах этого слова, — а Куррумпор, военный центр области, был выбран вовсе не за благоприятный климат. С точки зрения европейцев достоинств у этого места было так мало, что никто не приезжал сюда по собственной воле — только по велению неумолимой судьбы.

Хлипкие деревянные бунгало, разбросанные по территории гарнизона, служили временным пристанищем, но никак не постоянным жильём. Женщины местного британского общества, словно перелётные птицы, проводили в них едва ли четыре месяца в году, а с наступлением беспощадной жары улетали в Бхулвану — свой маленький рай в горах. Однако до этого рая было двадцать четыре часа пути, и мужчинам приходилось довольствоваться редкими недельными отпусками из глубин своего ада. Разве что, как выражался Томми Денверс, кому-нибудь посчастливится заболеть: тогда пребывание в раю продлевалось к великому удовольствию ангелов.

Но в ту знойную ночь ежегодный отлёт ангелов ещё не состоялся, и, несмотря на жару, в клубе должен был пройти последний бал сезона. Событие предстояло необыкновенное, о чём свидетельствовали весёлые возгласы, доносившиеся из офицерского собрания.

За шумным тостом последовали новые и новые раскаты приветственных криков, наполнившие ночь далеко разносившимся весёлым гулом. Затем послышался беспорядочный говор, который постепенно стих, уступив место одному голосу. Оратор говорил свободно и непринуждённо, явно вызывая одобрение слушателей, а когда закончил, раздалось ещё одно дружное «ура».

После этого небольшая компания британских офицеров начала расходиться, обмениваясь шутками и беззаботно смеясь. Они выходили на ступени офицерского собрания неторопливыми группами. Впереди всех шёл Томми Денверс, державший под руку своего капитана. Тот терпел подобную фамильярность с тем же полнейшим равнодушием, с каким относился почти ко всему на свете.

Никто, кроме Томми, не осмеливался держаться с Эверардом Монком столь запросто. По самой своей природе Монк был человеком одиноким. Но стройный белокурый молодой офицер открыто боготворил его — и не без оснований. Именно Монк, проявив суровую решимость, вытащил Томми из самой тяжёлой болезни в его жизни, добившись одной лишь силой воли того, чего доктор Ролстон не сумел добиться никакими другими средствами. С тех пор самый младший офицер собрания стал беззаветно предан Монку.

Некоторое время они стояли рядом на верхней ступени, пока Монк с совершенно непроницаемым выражением смуглого худощавого лица доставал сигару.

Ночь раскинулась вокруг них сказочным миром необъятной темноты и сверкающих звёзд. Где-то далеко бил туземный барабан — том-том. Его удары напоминали лихорадочный пульс: временами ритм судорожно учащался, затем вновь затихал, превращаясь в монотонное биение. Воздух был неподвижен, тяжёл и лишён всякого аромата.

— Будет чертовски жарко, — заметил Томми.

— Закуришь? — спросил Монк, протягивая портсигар.

Лицо юноши мгновенно озарилось довольной улыбкой.

— О, огромное спасибо! Но такую хорошую сигару жалко курить наспех, а я обещал Стелле сразу вернуться.

— Обещание есть обещание, — сказал Монк. — Выкуришь потом.

И несколько отрывисто добавил:

— Мне самому по пути.

— Отлично! — сердечно воскликнул Томми. — А ты разве не собираешься появиться в клубе? Танцевать не будешь?

Монк бросил зажжённую спичку на землю и раздавил её каблуком.

— Приберегаю танцы на завтра. Шаферу их всегда достаётся более чем достаточно.

Томми издал унылый звук, похожий на стон, и начал спускаться по ступеням рядом с ним.

Несколько шагов они прошли по тускло освещённой дороге молча. Потом Томми внезапно заговорил с присущей ему порывистостью:

— Знаешь что, Монк!

— Я бы на твоём месте промолчал, — отозвался Монк.

Томми резко осёкся и посмотрел на него странным, неуверенным взглядом.

— Откуда ты знаешь, что я собирался сказать?

— Не знаю.

— А мне кажется, знаешь, — недоверчиво произнёс Томми.

Монк выпустил облачко дыма и коротко, словно нехотя, рассмеялся.

— Для своего возраста ты становишься на редкость сообразительным, — заметил он. — Но не переусердствуй, сын мой! Не становись слишком уж скороспелым мудрецом.

Томми доверительно схватил его за руку.

— Монк, если я хоть кому-нибудь не выговорюсь, меня просто разорвёт! Неужели ты будешь против, если я поговорю с тобой откровенно?

— Если от этого будет какая-нибудь польза, то нет.

Монк не обратил внимания на дружескую руку, настойчиво лежавшую на его предплечье. И всё же Томми каким-то образом чувствовал, что эта фамильярность ему не неприятна. Поэтому руки не убрал.

— Пользы никакой. Просто, понимаешь, старина, человеку иногда необходимо облегчить душу. А меня эта история совсем извела.

— Не поздновато ли ты спохватился? — заметил Монк.

— Да, знаю. Слишком поздно, чтобы что-нибудь изменить. Но чем ближе этот день, тем хуже мне становится. Меня от всего этого буквально тошнит, вот тебе истинная правда! Интересно, что бы ты почувствовал, если бы знал, что твоя единственная сестра собирается выйти замуж за негодяя? Неужели ты спокойно позволил бы событиям идти своим чередом?

Монк некоторое время молчал.

Они продолжали идти по пыльной дороге свободной, размашистой походкой представителей нации завоевателей. Навстречу им попались одна или две рикши; чей-то женский голос окликнул их с приветствием. Оба ответили, но даже это не отвлекло их от тяжёлых мыслей. Молчание между ними сохранилось.

Наконец Монк заговорил — коротко, с суровой сдержанностью:

— Ты делаешь слишком огульное заявление. На твоём месте я не стал бы его повторять.

— Но ведь это правда, — упорствовал Томми. — Ты сам знаешь, что правда.

— Я ничего не знаю, — ответил Монк. — Лично мне нечего поставить Дэйкру в вину.

— Но и сказать в его пользу тебе нечего, — проворчал Томми.

— Ничего особенного. Однако полагаю, твоей сестре есть что сказать.

В спокойном ответе прозвучала едва заметная ирония.

Томми поморщился.

— Стелле? Боже правый, конечно нет! Да ей на него совершенно наплевать! Теперь я это знаю. Она согласилась выйти за него только потому, что оказалась в таком мерзком, нелепом положении: все эти злобные полковые кошки ополчились против неё и обращались с ней как с отверженной.

— Она сама тебе это сказала?

На этот раз в голосе Монка не было и тени иронии. Вопрос прозвучал резко и сурово.

Томми снова неуверенно взглянул на него.

— Конечно нет.

— Тогда почему ты это утверждаешь? На каком основании?

Монк спрашивал настойчиво, словно твёрдо решил добиться ответа.

И юноша ответил, хотя и несколько смущённо:

— Право, не могу объяснить, Монк. Я из тех дураков, которые многое замечают, но не умеют объяснить, откуда им это известно. Однако в том, что Стелла не испытывает к этому Дэйкру ни малейшей искры настоящей любви, я готов поклясться на смертном одре.

— Некоторые женщины вообще не придают подобным вещам особого значения, — сухо заметил Монк.

— Стелла не из таких! — горячо возразил Томми. — Ты её не знаешь. Она гораздо глубже меня.

Монк тихонько рассмеялся.

— О, ты достаточно глубок, Томми. Но при этом совершенно прозрачен. А вот твоя сестра, напротив, абсолютно непроницаема. Однако вмешиваться нам не следует. Вероятно, она прекрасно знает, что делает.

— Вот именно — знает ли? Не совершает ли она ужасный прыжок в неизвестность?

В голосе Томми звучала острая тревога.

— Ведь всё произошло с такой чудовищной быстротой! Подумать только, она здесь ещё и шести недель не прожила! Ни одна девушка не должна выходить замуж после столь короткого знакомства. Я ей так и сказал, а она... она только рассмеялась и ответила: «О, выбирать-то мне не из чего! Неужели ты думаешь, что я смогла бы наслаждаться жизнью с твоими ангелами в раю, пребывая в незамужнем блаженстве? Уж лучше остаться с тобой здесь, в аду».

И она действительно осталась бы, Монк. А это, вероятно, её погубило бы. Отчасти поэтому я и понял, что происходит.

— Женщины плохо с ней обращались?

Вопрос Монка прозвучал отрывисто, словно ему не хотелось обсуждать эту тему.

Томми посмотрел на него сквозь звёздный полумрак.

— Ты же знаешь, какие они, — прямо сказал он. — Они затравили бы кого угодно, стоит только леди Гарриет подать голос. С самого начала она решила смотреть на Стеллу косо, а все остальные, разумеется, последовали её примеру. Миссис Ролстон — единственная из всей компании, кто обращался с ней по-человечески. Но ведь она здесь никто, все ею помыкают.

А ведь Стелла ничуть не хуже самой лучшей из них — даже лучше! Какое право они имеют обращаться с ней как с изгоем только потому, что она самостоятельно приехала сюда ко мне? Это отвратительно! Это несправедливо! Что ещё ей оставалось делать?

— С мужской точки зрения её поступок кажется вполне разумным, — заметил Монк.

— Он и был разумным! Это был единственный возможный выход. А они именно за это решили отвернуться от неё, практически объявили ей бойкот. Что она им сделала? Какое право они имели так с ней поступать?

В голосе Томми кипело яростное возмущение.

— Хочешь знать почему? Я тебе скажу, — неожиданно произнёс Монк. — Таков закон стаи: растерзать чужака. А твоя сестра всегда останется для них чужой — замужем она будет

или нет. Возможно, позднее они станут перед ней заискивать: Дэйкр умеет поставить себя в обществе женщин. Но в глубине души они всегда будут её ненавидеть. Видишь ли, она красива.

— Красива? — удивился Томми. — Знаешь, мне это никогда не приходило в голову!

Монк рассмеялся — холодно, с язвительной насмешкой.

— Разумеется! Тебе бы и не пришло. Зато Дэйкр это заметил. И ещё кое-кто из нас.

— Да пропади он пропадом, этот Дэйкр!

Раздражение Томми вспыхнуло с новой силой.

— Терпеть его не могу! Он ведёт себя так, словно оказывает всем величайшее одолжение. Когда он сегодня произносил свою речь, мне хотелось запустить в него бокалом.

— Но такие вещи делать нельзя, — укоризненно заметил Монк. — Ты, конечно, молод, но школьные годы уже позади. Не забывай, что Дэйкр пользуется гораздо большим успехом у женщин, чем у мужчин. Если твоя сестра в него не влюблена, то она едва ли не единственная женщина во всём гарнизоне, которая к нему равнодушна.

— Вот это-то и отвратительно! — кипятился Томми. — Он ухаживает за каждой встречной женщиной.

Они подошли к затенённому участку земли, тянувшемуся вдоль пыльной дороги на несколько ярдов. Лёгкий порыв ветра пробежал среди иссохших кустарников, вызвав таинственный шорох.

Окружённое ими бунгало смутно вырисовывалось в звёздном свете: деревянное строение с приподнятой верандой, к которой вела лестница. Из одной комнаты лился свет лампы под красным абажуром. Яркий багровый луч прорезал ночную темноту, словно бросая вызов великолепию звёздного неба.

Свет упал на лицо остановившегося Томми, обнажив тревогу и озабоченность.

— Можешь зайти, — предложил он. — Она наверняка уже готова. Заходи, выпьем чего-нибудь.

Монк остановился. Его смуглое лицо оставалось в тени. Казалось, он мысленно взвешивал какое-то решение.

Наконец произнёс:

— Хорошо. Только на минуту. Но послушай, Томми! Не вздумай дать сестре понять, что ты сделал меня своим доверенным лицом. Не думаю, что ей это понравится. И улыбнись, ради бога! Не ходи с таким видом, будто на твоих плечах лежат все семейные заботы! Вероятно, она вполне способна сама о себе позаботиться — как и все остальные.

Когда они вместе свернули на дорожку, ведущую к струившемуся из дома красному свету, Монк небрежно хлопнул юношу по плечу.

— Ты ведь немного женоненавистник, правда? — спросил Томми.

И Монк снова рассмеялся своим коротким, несколько горьким смехом, но ничего не ответил.

Глава II. Подсудимый

В комнате, освещённой лампой под малиновым абажуром, сидела в ожидании Стелла Денверс. Красноватое сияние мягко окутывало её, зажигая удивительные медные отблески в гладких кольцах уложенных волос. Она склонилась над длинными белыми перчатками, которые натягивала на руки. Её бледное лицо обладало необыкновенной выразительностью: тонкие, гордые черты, губы, нежные и чистые, словно лепестки цветка.

Услышав шаги под окном, она подняла глаза. Их звёздный блеск под прямыми чёрными бровями придавал ей неотразимое очарование. Несомненно, Монк был прав: она была красавицей, и молодость сияла в ней с почти ослепительной силой.

Пожалуй, не стоило особенно удивляться тому, что дамы полка встретили сестру Томми без особого восторга. Она появилась среди них совершенно неожиданно, пренебрегая условностями. Даже сам Томми ничего не подозревал о её приезде. Однажды, вернувшись с площадки для поло, он обнаружил сестру в холостяцком жилище, которое делил с тремя другими младшими офицерами. Её появление немедленно взбудоражило весь гарнизон.

Во главе с супругой полковника, леди Гарриет Мэнсфилд, полковые дамы единодушно осудили великолепную незнакомку, столь дерзко вторгшуюся в их круг и затмившую самых признанных местных красавиц. Единственным исключением оказалась миссис Ролстон, но с её мнением никто не считался.

Простое объяснение Стеллы никого не удовлетворило. Достигнув совершеннолетия и получив право на ежегодный доход в пятьдесят фунтов, она решила покинуть дом дальних родственников, которым была в тягость, и приехать к Томми — единственному своему близкому человеку.

Для местного общества этого оказалось недостаточно. Стеллу сочли чужачкой и объединились против неё.

Как заявила леди Гарриет, ни одна благовоспитанная девушка не решилась бы на столь необыкновенный поступок. Сама она вовсе не собиралась становиться покровительницей молодой особы, столь очевидно нуждавшейся в сопровождении старшей дамы. Если миссис Ролстон желает взять на себя эту обязанность — её дело. Поступок ничем не примечательной жены военного врача всё равно ничего не изменит. Леди Гарриет с удовлетворением отмечала, что остальные дамы слишком хорошо воспитаны, чтобы безоговорочно принять столь необычную девушку.

Единственным обстоятельством в пользу Стеллы было то, что она приходилась сестрой Томми. Томми считался весьма приятным молодым человеком, и ради него её нельзя было полностью исключить из полкового общества. Однако на тесные дружеские встречи её не приглашали, а в клубе ни одна из дам не проявляла к ней сердечности.

Зато офицеры держались совершенно иначе.

Они приняли Стеллу с восторгом — возможно, тем более пылким, чем холоднее относились к ней их жёны. Очень скоро все мужчины без исключения начали оказывать ей знаки внимания.

Младшие офицеры, делившие жильё с Томми, немедленно освободили для неё место. Они обращались с ней как с королевой, внезапно вступившей во владение своим законным царством. И Стелла приняла это царство с истинно королевским достоинством: с одинаковым спокойствием встречала любезности и пренебрежение, сохраняя тонкую сдержанность, которая не мешала ей быть приветливой, когда того требовали обстоятельства.

Миссис Ролстон охотно предложила бы ей приют, если бы Стелла пожелала. Но девушка была горда. Под внешним спокойствием скрывалась гордость, способная бурно восставать против унижения. Она не принимала ничьих одолжений.

Так, свободная от опеки и не связанная никакими условностями, Стелла продолжала жить среди своих недоброжелателей. Никто, даже Томми, не подозревал, насколько глубоко ранила её едва прикрытая враждебность. Она с горечью скрывала свою боль от всего света. Лишь брат и его суровый, несколько неприступный капитан смутно догадывались о её существовании.

Эверард Монк принадлежал к немногим мужчинам, которые не пали к её ногам. Постепенно Стелла уверилась, что он разделяет молчаливое неодобрение полковых дам.

И странное дело: это убеждение причиняло ей гораздо более глубокую боль, чем все оскорбления со стороны женщин. Почему — она и сама не могла понять.

Возможно, горячее восхищение Томми своим капитаном заставляло её особенно дорожить мнением Монка. А возможно, она слишком охотно читала осуждение в его серьёзных глазах.

Как бы то ни было, она многое отдала бы за то, чтобы он оказался на её стороне. Почему-то это было для неё важно — жизненно важно.

Но Монк никогда не присоединялся к толпе её поклонников. Он неизменно оставался учтивым, однако не искал встреч с ней. Быть может, у него находились более важные занятия.

Сдержанный, непроницаемый, холодный, он проходил мимо. И Стелла удивилась бы даже сильнее Томми, если бы услышала, как Монк назвал её красавицей: она была совершенно убеждена, что он не находит в ней никакого очарования.

Нелегко было прокладывать себе дорогу сквозь каменистые заросли предрассудков. Немало шипов впилось ей в ноги. Она не теряла мужества и ни разу не отступила, но бесконечная борьба неизбежно истощала её силы.

Через три недели после приезда, когда приближался ежегодный отъезд полковых дам в горы, Стелла обручилась с Ральфом Дэйкром — самым красивым и самым безответственным мужчиной в офицерском собрании.

По крайней мере, над ним её очарование имело безраздельную власть.

Он был влюблён слепо, почти до непристойной чрезмерности. Её красота с первой встречи вскружила ему голову, воспламенила кровь. Он страстно поклонялся ей и неутомимо добивался её расположения, мало заботясь о том, отвечает ли она на его чувства. Главное — в конце концов сделать её своей.

И когда Стелла наконец уступила его настойчивости, не без оттенка презрения, единственным всепоглощающим желанием Дэйкра стало поскорее скрепить их соглашение, прежде чем она успеет раскаяться.

Им владела безумная, неудержимая страсть — и далеко не впервые в жизни. Скрытая гордость Стеллы и её мягкая сдержанность делали девушку ещё желаннее в его глазах.

Он добился её руки и не стал задумываться, каким образом.

Женщины говорили, что Стелле необыкновенно повезло. Мужчины предпочитали воздерживаться от суждений.

Дэйкр дослужился до капитанского звания, однако особым уважением не пользовался. Товарищи по службе лишь пожимали плечами, когда речь заходила о нём, а командир полка, полковник Мэнсфилд, однажды назвал его «самым безумным сумасбродом из всех, кого мне доводилось встречать».

Никто, кроме Томми, не испытывал к нему открытой неприязни. Да и у Томми, как справедливо заметил Монк, не было для этого достаточных оснований.

Сам Монк, до недавнего времени живший с Дэйкром в одном бунгало, утверждал, что ничего против него не имеет. А уж он-то, несомненно, располагал всеми возможностями составить о человеке верное мнение.

Ведь Монк не был ни глупцом, ни безумцем, и от его молчаливой наблюдательности мало что ускользало.

На завтрашней церемонии Монку предстояло быть шафером. Эту обязанность почти навязал ему Дэйкр, который, как ни странно, разделял восхищение Томми своим чрезвычайно замкнутым сослуживцем.

Особой дружбы между Монком и Дэйкром не было. Каждый привык жить по-своему, совершенно независимо от другого. Они оставались не более чем случайными знакомыми, и обоих это вполне устраивало. Однако Дэйкр, несомненно, испытывал к Монку известное уважение и в его присутствии проявлял осторожность, о которой не считал нужным вспоминать при общении с другими мужчинами. С Монком он всегда держался осмотрительно, никогда не чувствуя себя вполне уверенно.

Подобную неуверенность испытывали рядом с Монком и другие. Никто, кроме Томми, не мог с уверенностью сказать, что он за человек. Один только Томми безоговорочно принимал его таким, какой он есть, и восхищался им от всего сердца.

По настойчивому желанию юноши они договорились, что после предстоящей свадьбы, когда каждый из них лишится соседа по дому, Монк поселится вместе с ним. Томми был в восторге от этой мысли и с удовольствием подозревал, что сам Монк тоже не прочь осуществить задуманное.

С появлением Стеллы Зелёное бунгало стало гораздо уютнее, и Томми намеревался сохранить этот уют. Он был уверен, что их вкусы с Монком вполне совпадут.

И вот теперь, накануне свадьбы сестры, мысль о будущем совместном житье оставалась для него единственной светлой стороной всего происходящего. Когда они подошли к ступеням веранды, Томми уже собирался с присущей ему непосредственностью сказать об этом.

Но слова так и не сорвались с его губ.

Красноватый свет лампы упал на обращённое вверх лицо Монка, и что-то — что-то в выражении этого лица — заставило Томми на мгновение умолкнуть.

Монк смотрел прямо на освещённое окно, где виднелась прекрасная женщина, глядевшая в ночную темноту.

И глаза его больше не были холодными и безучастными. Они горели — страстно, пылко, с необыкновенной силой.

Томми забыл, что собирался сказать, и только смотрел на него.

Мгновение прошло — едва ли оно длилось даже целое мгновение. Монк двинулся дальше своей обычной спокойной, уверенной походкой.

— Твоя сестра уже готова и ждёт, — произнёс он.

Они вместе поднялись по ступеням. Девушка, сидевшая у открытого окна, величественным движением поднялась и шагнула им навстречу.

— Привет, Стелла! — начал Томми. — Надеюсь, я не слишком опоздал. Сегодня в собрании они потратили чертову уйму времени на тосты. Один был за тебя, и мне пришлось отвечать. А я понятия не имел, что говорить. Капитан Монк считает, что я ужасно всё испортил, хотя из деликатности и не признаётся.

— Напротив, я одобрительно восклицал «Правильно!» при каждом твоём запинании, — сказал Монк, слегка поклонившись и пожимая протянутую Стеллой руку.

— Вы были на редкость великодушны, — сказала Стелла с лёгкой улыбкой.

В её словах слышалась едва уловимая насмешка, но она говорила спокойно и с безупречной учтивостью.

— Надеюсь, капитан Монк, обязанности шафера не окажутся для вас слишком обременительными. Ведь вам придётся заботиться о том, чтобы все участники церемонии остались довольны, не так ли?

Её сдержанная ирония, как и улыбка, словно заранее пресекала всякую попытку проникнуть в её мысли. В ответной улыбке Монка было нечто похожее. Сдержанность встретилась со сдержанностью.

— Надеюсь, в этом отношении мои обязанности не будут слишком тяжёлыми, — ответил он. — Впрочем, я пришёл сюда не в качестве шафера.

— Я рада, — сказала Стелла. — Не хотите ли войти и присесть?

Она пригласила его в комнату царственным жестом, но в её приглашении совершенно не чувствовалось теплоты. Зато Томми поспешил вперёд с обычным радушием.

— Да, заходи, выпьем чего-нибудь! Ночь душная. Становится чертовски жарко. Стелла, тебе повезло, что ты уезжаешь отсюда.

— О, мне необыкновенно повезло, — ответила Стелла.

Они вошли в освещённую комнату, и Томми отправился за напитками.

— Присядьте, пожалуйста, — повторила Стелла.

Её голос был глубоким и чистым, и заключённая в нём музыка заставила Монка задуматься, не поёт ли она.

Он сел напротив неё. Стелла с видом полной поглощённости снова занялась застёжками перчаток.

Через минуту она заговорила, не поднимая глаз:

— Значит, завтра вы собираетесь поселиться здесь?

— Таков план, — ответил Монк.

— Надеюсь, вам с Томми будет вполне удобно. Несомненно, с вами он будет гораздо счастливее, чем был со мной в последние недели.

— Не понимаю, почему, — сказал Монк.

— Правда?

Она слегка нахмурилась, продолжая возиться с перчаткой.

— Видите ли, моё пребывание здесь нельзя назвать особенно удачным. Думаю, бедный Томми очень тяжело это переживал. Он любит, когда вокруг царит дружелюбная атмосфера.

— В моём обществе ему вряд ли удастся её найти, — заметил Монк.

Она на мгновение улыбнулась.

— Возможно. Но, думаю, он будет рад избавиться от семейных забот. Они легли на него довольно тяжёлым бременем.

— Он будет сожалеть о вашем отъезде, — сказал Монк.

— О, разумеется, в какой-то степени. Но скоро оправится.

Она неожиданно подняла на него глаза.

— Вы все, должно быть, вздохнёте с облегчением, когда я наконец благополучно выйду замуж, капитан Монк.

На секунду или две воцарилось молчание.

Монк смотрел ей прямо в глаза, но в его взгляде не было ни теплоты, ни даже особого интереса.

— Право, не понимаю, почему вы так говорите, мисс Денверс, — наконец произнёс он сухо.

Руки Стеллы в белых перчатках сжались. Дыхание её несколько участилось, но держалась она по-прежнему царственно, даже высокомерно.

— Лишь потому, что прекрасно понимаю, каким источником беспокойства стала для всей добропорядочной части нашего общества, — небрежно ответила она. — Надеюсь, я не ошибаюсь, причисляя вас к этой категории?

Он уловил вызов в её голосе, хотя она и преподнесла его весьма изящно. Что-то неукротимое, яростное всколыхнулось в нём, готовое принять этот вызов.

Но он подавил порыв. Выражение его лица осталось совершенно непроницаемым.

— Не думаю, что могу претендовать на принадлежность к какой-либо иной категории, — ответил он. — Но это ещё не делает меня частью общества. Я предпочитаю держаться особняком.

Её голубые глаза слегка сверкнули.

— Как ни странно, у меня те же предпочтения, — сказала она. — Мне никогда не хотелось быть частью толпы. Я люблю независимость, что бы там ни говорили окружающие. Хотя прекрасно понимаю, что для женщины подобные склонности считаются опасными. Женщина должна всегда подчиняться установленным правилам.

— Я никогда не изучал этот вопрос, — ответил Монк.

Он говорил отрывисто. Признания Томми пробудили в нём чувства, которым невозможно было дать выражение. Всё его существо с почти гневным отвращением противилось обсуждению этой темы со Стеллой. Теперь, когда события зашли так далеко, никакие разговоры уже ничего не могли изменить.

Он снова заметил, как она слегка нахмурилась.

Затем Стелла откинулась на спинку кресла и подняла руки, словно утомившись разговором.

— Другими словами, вы избегаете всего, что связано с женщинами, — сказала она. — Как благоразумно с вашей стороны!

В комнату неожиданно влетела большая белая ночная бабочка и принялась биться о ламповый абажур.

Монк следил за ней с мрачной сосредоточенностью.

Глаза Стеллы были полуприкрыты. Казалось, она совершенно забыла о присутствии гостя, сочтя его несущественной подробностью обстановки.

Молчание между ними становилось всё глубже.

Внезапно что-то произошло.

Трепещущее создание добралось до пламени и, оглушённое, упало на стол.

Почти в то же мгновение Монк быстро и бесшумно наклонился вперёд и раздавил бабочку сжатым кулаком.

Стелла резко вдохнула. Её глаза широко раскрылись. Она выпрямилась.

— Зачем вы это сделали?

Он снова посмотрел на неё. В его глазах тлел какой-то скрытый огонь.

— Она шла навстречу гибели, — ответил он.

— И вы решили ей помочь!

Он кивнул.

— Да. Долгая агония меня не привлекает.

Стелла тихонько рассмеялась, но в её смехе слышалась насмешка.

— Ах, значит, это был акт милосердия? А по вашему виду этого никак не скажешь. Более того, милосердие — едва ли не последнее качество, которое я могла бы вам приписать.

— Не думаю, — очень тихо произнёс Монк, — что вы вправе судить обо мне.

Она подалась вперёд. Он увидел, как тяжело вздымается её грудь.

— Разве это не ваша привилегия? — спросила она. — Ведь я... я всего лишь подсудимая, стоящая перед судом. И, подобно этой бабочке, уже осуждена — без всякого милосердия.

Он резко поднял брови.

На мгновение его лицо приняло выражение человека, которому неожиданно нанесли удар в спину.

Затем быстрым усилием воли он овладел собой.

В ту же секунду Стелла поднялась.

Она улыбалась, и на её щеках выступил румянец. Она взяла со стола веер.

— А теперь, — сказала она, — я собираюсь танцевать. Всю ночь напролёт. Каждый офицер нашего собрания, кроме одного, уже пригласил меня на танец.

Он мгновенно вскочил.

Один порыв он сумел подавить, но даже его выдержке существовал предел.

Он заговорил, словно доведённый до крайности:

— Вы подарите мне один танец?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет, капитан Монк.

Его смуглое лицо внезапно приобрело упрямое выражение.

— Я танцую редко, — сказал он. — И сегодня вовсе не собирался танцевать. Но один танец с вами я должен получить. Непременно.

— Почему?

Её вопрос прозвучал звонко и отчётливо, словно удар хрусталя. В глазах тоже появилась холодная, хрустальная твёрдость.

Но Монк не отступил.

— Потому что вы были ко мне несправедливы. И теперь должны возместить причинённую обиду.

— Я... была несправедлива... к вам!

Она произнесла эти слова медленно, не отводя взгляда.

Он сделал резкое движение, словно удерживая рвавшуюся наружу силу.

— Я не принадлежу к числу ваших гонителей, — сказал он. — Никогда в жизни я не позволял себе судить вас, а тем более осуждать.

Его голос дрожал, словно какое-то могучее чувство отчаянно боролось за власть над ним.

Они стояли друг против друга, и их встреча могла бы показаться открытым столкновением, если бы не глубокая дрожь в голосе мужчины.

Прошло несколько секунд.

Наконец Стелла заговорила. Теперь дрожала и она.

— Тогда почему... почему вы позволяли мне так думать? Почему всегда держались в стороне?

Её голос тоже дрожал, но глаза сияли — наполовину надеждой, наполовину тревогой, как у человека, ищущего давно погребённое сокровище.

Ответ Монка прозвучал совсем тихо, словно слова вырвались из глубины его души:

— Такова моя натура — держаться особняком. Я ждал.

— Ждали?

Обеими руками она вдруг крепко сжала веер, но её сияющие глаза по-прежнему не отрывались от его лица. Сердце трепетало, а она всё искала ответ.

Почти шёпотом он произнёс:

— Я ждал... когда придёт моя очередь.

— Ах!

Веер переломился в её руках. Она отбросила его почти яростным движением.

Монк резко отступил.

С мрачной, циничной улыбкой он вновь скрыл свою душу от постороннего взгляда.

— Разумеется, я был глупцом и прекрасно понимаю, что моя глупость для вас ничего не значит. Но теперь, по крайней мере, вы знаете, как мало у вас оснований ненавидеть меня.

Она отвернулась и подошла к открытому окну.

Стояла, слегка подавшись вперёд, словно пыталась в последний раз увидеть нечто, уже исчезнувшее из виду.

Монк оставался неподвижен и смотрел на неё.

Из соседней комнаты доносились беспечное напевание Томми и весёлый хлопок вытащенной пробки.

Наконец Стелла заговорила шёпотом. Когда она произносила слова, напряжение покинуло её тело, и она бессильно прислонилась к оконной раме.

— Да... но теперь я знаю это слишком поздно.

Он услышал её слова, хотя едва ли они предназначались ему.

Он позволил им раствориться в тишине. Время для разговоров прошло.

Секунды медленно отсчитывали время.

Стелла больше не двигалась и не говорила.

Наконец Монк отвернулся от неё. Он поднял сломанный веер и с каким-то странным благоговением спрятал его среди книг на столе.

Затем застыл, неподвижный, как гранит, и стал ждать.

Послышались шаги Томми, и через мгновение дверь распахнулась.

Юноша вошёл, исполненный заботливости радушного хозяина.

— О, послушайте, мне ужасно жаль, что заставил вас так долго ждать! Этот осёл-кхит куда-то исчез и оставил нас совершенно без напитков. Стелла, если мы не поторопимся, пропустим всё веселье! Давай, Монк, старина, скажи, сколько тебе налить!

Он остановился у стола.

Стелла отвернулась от окна и подошла к ним.

Лицо её было бледным, но она улыбалась.

— Капитан Монк пойдёт с нами, Томми, — сказала она.

— Что?

Томми резко поднял голову.

— В самом деле? Послушай, Монк, я очень рад! Тебе это пойдёт на пользу.

Монк тоже улыбался — слабо и мрачно.

— Не смешивай мне ничего крепкого, Томми! — сказал он. — И самому себе лучше не наливать слишком щедро. Помни, тебе ещё предстоит танцевать с леди Гарриет!

Томми скорчил гримасу над стаканами.

— Ладно, тогда тебе лаймового сока! Но ведь и тебе придётся с ней танцевать. Хоть какое-то утешение!

— Мне? — переспросил Монк.

Он взял стакан и протянул его Стелле. Та покачала головой.

Тогда он сам поднёс стакан к губам и выпил — так, словно пил за какое-то воспоминание.

— Нет, — сказал он затем. — Сегодня я станцую только один танец. И не с леди Гарриет Мэнсфилд.

— С кем же? — спросил Томми.

Ответила Стелла. В её голосе звучала странная смесь безрассудства и вызова.

— Не каждой женщине выпадает возможность танцевать на собственных похоронах, — сказала она. — Капитан Монк любезно согласился принять участие в моём погребальном празднестве.

— Стелла! — запротестовал Томми, покраснев. — Терпеть не могу, когда ты так говоришь!

Стелла тихонько рассмеялась, словно над причудами ребёнка.

— Бедный Томми! — сказала она. — Что значит быть таким молодым!

— Уж лучше быть сущим младенцем, чем циником, — прямо ответил Томми.

Глава III. Торжество

В тот вечер леди Гарриет пристально разглядывала будущую невесту в лорнет, и её тонкие, аристократические черты за всё время ни разу не смягчились. Перед ней предстала такая молодость и красота, какие редко доводилось видеть, но зрелище не доставляло ей ни малейшего удовольствия.

Леди Гарриет считала совершенно неприличным, чтобы Стелла танцевала накануне собственной свадьбы. Когда же выяснилось, что едва ли не каждый мужчина в зале успел пригласить девушку на танец, её неодобрение только усилилось.

Она вслух спрашивала то одну, то другую из своих приверженок, куда смотрит капитан Дэйкр, позволяя подобное поведение.

А когда Монк — сам Эверард Монк, который обычно избегал любых собраний в клубе и, насколько было известно, никогда не танцевал, если только находил хоть сколько-нибудь уважительный предлог отказаться, — закружил Стеллу в вальсе среди гостей, негодование леди Гарриет едва не переросло в гнев.

Весь офицерский состав, до последнего человека, оказался покорён.

— По-моему, это уже почти бесстыдство, — сказала она миссис Бёртон, супруге майора. — Она словно нарочно выставляет напоказ своё пренебрежение приличиями.

— Серьёзная ошибка, — согласилась миссис Бёртон. — После замужества мы не станем относиться к ней от этого лучше.

— Я ещё не решила, стоит ли вообще наносить ей визит, — объявила леди Гарриет. — Очень сомневаюсь, что разумно принимать в наш близкий круг особу, столь очевидно неподходящую для него. Разумеется, миссис Ролстон, — произнося это имя, она высоко подняла длинный заострённый подбородок, — вольна поступать по собственному усмотрению. Вероятно, она первой попытается приблизить к себе эту девушку. Но поступки миссис Ролстон и мои поступки — вещи совершенно разные. Она не слишком разборчива в знакомствах, и потому её мнение вполне справедливо считается ничего не стоящим.

— О, совершенно верно, — согласилась миссис Бёртон, посылая откровенно фальшивую улыбку приближавшейся к ним даме, о которой только что шла речь.

Рядом с миссис Ролстон шла миссис Эрмстед, жена полкового адъютанта, маленькая щеголеватая женщина, которую Томми давно прозвал Ящерицей.

Миссис Ролстон, жена военного врача, когда-то была хорошенькой девушкой. И теперь ещё случались мгновения, когда прежняя красота возвращалась к ней, словно последние отблески угасающего заката.

В обществе она держалась робко, но при этом оставалась единственной женщиной гарнизона, отказывавшейся следовать примеру леди Гарриет. Как говорил Томми, она была никем. Её влияние ничего не значило. И всё же она с тихой настойчивостью шла собственной дорогой, и никто не мог заставить её свернуть с неё.

Миссис Эрмстед открыто высмеивала её, однако, как ни странно, миссис Ролстон, по-видимому, вовсе не испытывала неприязни к острой на язык супруге адъютанта.

Она не раз оказывала той немалые услуги, а самым благодарным замечанием, на какое когда-либо сподобилась миссис Эрмстед, было то, что бедняжка так любит трудиться ради других, что позволять ей это — настоящее благодеяние.

Миссис Эрмстед охотно проявляла подобную доброту к кому угодно.

Когда обе дамы приблизились, леди Гарриет удостоила каждую особой улыбки, исполненной королевского снисхождения.

— Я ожидала увидеть вас среди танцующих, миссис Эрмстед, — сказала она.

— О, слишком жарко! — заявила миссис Эрмстед. — Чтобы танцевать в такую ночь, нужно обладать темпераментом саламандры.

Произнося эти слова, она бросила язвительный взгляд в сторону Стеллы, которую Монк вёл к наименее людному уголку танцевального зала.

Нежное лицо Стеллы раскраснелось, но это был восхитительный румянец распустившейся розы. Глаза сияли, словно звёзды. Весь её облик излучал счастье человека, достигшего заветной цели.

— Какое торжество! — заметила миссис Эрмстед. — Утешает хотя бы мысль, что этот цвет лица, словно у дикой розы, не переживёт лета. Капитан Монк выглядит удивительно не в своей тарелке. Наверняка он предпочёл бы здешние базары.

— Но сегодня Стелла Денверс просто очаровательна, — тихо произнесла миссис Ролстон.

Леди Гарриет услышала эти слова, и её орлиный нос тотчас вздёрнулся ещё выше.

— Как много людей не способны видеть дальше внешней оболочки, — заметила она.

Миссис Бёртон улыбнулась узкими глазами.

— Не думаю, что капитан Монк принадлежит к их числу, — сказала она. — Совершенно очевидно, что сегодня он здесь лишь ради соблюдения приличий. Шафер обязан быть любезным с невестой...

— ...каковы бы ни были его собственные чувства.

Лицо леди Гарриет несколько прояснилось, хотя мнение миссис Бёртон она ценила не слишком высоко.

— Возможно, именно этим объясняется удивительное благодушие капитана Дэйкра, — заметила она. — Он воспринимает внимание, оказываемое его невесте, как дань уважения самому себе.

— Возможно, после свадьбы его взгляды изменятся, — рассмеялась миссис Эрмстед. — Любопытно будет посмотреть, как станут развиваться события. Все мы знаем капитана Дэйкра. Я ещё ни разу не видела, чтобы он добровольно согласился остаться на втором плане.

Миссис Бёртон присоединилась к её смеху.

— Да он и на первом плане одного и того же представления долго не задерживается, — заметила она. — Удивительно, как легко удалось заманить его в брачную петлю.

— На такое способна только настоящая авантюристка, — заявила миссис Эрмстед. — Видно, ей уже не впервые приходится набрасывать лассо.

— Дорогая, — вмешалась миссис Ролстон, — простите меня, но такие слова вас недостойны.

Миссис Эрмстед беспечно подмигнула миссис Бёртон, причём сделала это с такой непринуждённостью, что её жест почти утратил свою язвительность.

— Бедняжка миссис Ролстон такого высокого мнения обо всех людях, — сказала она, — что, должно быть, раз сто на дню испытывает разочарование.

Опущенные уголки губ леди Гарриет выражали не меньше, чем могли бы выразить слова.

Миссис Ролстон с тревогой смотрела на Стеллу своими выцветшими голубыми глазами. За себя она не обиделась, но ей было невыносимо слышать, как девушку обсуждают с такой недоброжелательностью.

Никогда прежде Стелла не казалась ей столь ослепительно прекрасной, как в этот вечер, и миссис Ролстон страстно хотелось услышать от враждебно настроенных женщин хоть одно слово восхищения. Однако она прекрасно понимала, что надеяться на это бесполезно.

Поэтому она испытала облегчение, когда сам капитан Дэйкр неторопливо подошёл к ним, чтобы пригласить миссис Эрмстед на танец.

Улыбчивый, щеголеватый, довольный собой, завтрашний жених в этот последний вечер находил для каждого какую-нибудь беспечную шутку. Было очевидно, что временное невни-

мание невесты его нисколько не тревожит. Стелла могла веселиться сколько душе угодно, и он, по-видимому, намеревался поступать точно так же.

В прежние времена у него с миссис Эрмстед случалось немало любовных заигрываний, и все знали, что именно поэтому капитан Эрмстед терпеть его не мог. Некоторые даже намекали, будто однажды дело едва не дошло до серьёзной развязки. Но Ральф Дэйкр умел выходить из затруднительных положений и благодаря немалому такту сумел избежать скандала.

Маленькая миссис Эрмстед и теперь была не прочь пофлиртовать с ним, однако в последнее время относилась к нему с едва заметным пренебрежением. Почему — никто не знал.

Возможно, в тот душный весенний индийский вечер она снизошла до танца с ним скорее ради Стеллы, чем ради собственного удовольствия.

Но Стелла, очевидно, была слишком поглощена своими заботами, чтобы обращать особое внимание на поведение жениха.

Его любовные ласки были не из тех, которые принято расточать на людях. Они последуют позднее, когда молодые люди пойдут домой под сверкающим звёздами небом и станут прощаться на затенённой веранде, пока Томми будет беспокойно расхаживать по бунгало.

Она знала, что Ральф потребует этих ласк как своего права. И раз или два во время танца, вспомнив, каким настойчивым он бывал в дни ухаживания, Стелла невольно вздрагивала.

Она охотно ушла бы пораньше, лишь бы избежать в этот вечер всякой близости с женихом. Но выхода не было. Она обещала танцевать до самого конца и ради своей гордости не собиралась отступать перед злорадными взглядами, которые так неотступно следили за ней.

Танец с Монком быстро закончился, и он оставил её, ограничившись самыми краткими словами благодарности. Больше в тот вечер она его не видела.

Остаток вечера пронёсся в вихре веселья, которое почти ничего для неё не значило. Пожалуй, в целом это было легче вынести, чем вечер, проведённый в одиночестве.

Она знала, что, когда наконец придёт время ложиться спать, усталость будет столь велика, что она не сможет долго лежать без сна.

А ночь окажется такой короткой — ах, какой короткой!

И она продолжала танцевать и смеяться вместе с самыми беззаботными весельчаками. Когда всё наконец закончилось, даже самые суровые её критики вынуждены были признать, что её торжество было полным.

Она держалась словно королева на праздничном пиру и покинула место веселья тоже по-королевски: в рикше, которую везла целая команда развесёлых младших офицеров, небрежно одаривая улыбками всех, кто стремился заслужить её внимание.

Как она и предвидела, Дэйкр сопровождал эту процессию.

Он вовсе не собирался позволить лишить себя законных прав. Именно он в конце концов разогнал шумную, безответственную компанию у ступеней веранды, с царственным видом помог Стелле подняться и увёл её прочь от сопровождавших их смеха и приветственных криков.

Прижав её руку к своему боку, он отвёл девушку в самый тёмный угол веранды, откинул мягкую накидку с её плеч и заключил в объятия.

Стелла стояла в его руках почти неподвижно и напряжённо, не отвечая на объятия, но и не пытаясь освободиться.

Однако, когда его губы коснулись её шеи, она вздрогнула.

В этом прикосновении было нечто чувственное, невольно вызывавшее у неё отвращение.

— Ральф, — произнесла она, и голос её слегка дрогнул, — думаю, нам пора попрощаться. Сегодня я очень устала. Если не отдохну, завтра ни за что не буду готова.

Он издал невнятный звук, каким-то образом выразивший именно то, что она почувствовала при прикосновении его губ.

— Любимая... завтра! — прошептал он.

И снова поцеловал её — долго, настойчиво, с упорством, которое действовало на её измученные нервы почти невыносимо.

Ей представился гурман, смакующий любимое блюдо и причмокивающий от удовольствия.

В её голосе прозвучало раздражение, когда она слегка отстранилась и сказала:

— Да, я хочу отдохнуть хотя бы те несколько часов, что остались. Пожалуйста, пожелай мне спокойной ночи, Ральф! Я действительно устала.

Он тихонько рассмеялся, прижавшись щекой к её щеке.

— Ах, Стелла! — сказал он. — Какой королевой ты была сегодня! Я любовался тобой вместе со всеми остальными и готов поставить немалую сумму на то, что среди них не найдётся ни одного мужчины, который мне не завидует.

Стелла глубоко вздохнула, словно пыталась избавиться от давившей на грудь тяжести.

— Приятно, когда тебе завидуют, правда? — сказала она.

Он снова поцеловал её.

— Ах, какой же ты приз! — воскликнул он. — Всё зависело от того, кто успеет первым, а я никогда не любил медлить. Я сорвал плод, пока остальные только любовались им. Стелла — моя! Стелла — моя!

Между этими словами его губы властно, по-хозяйски прижимались к её губам, и она вновь невольно вздрогнула.

В тот вечер Стелла не могла ответить на его ласки.

Наконец он ослабил объятия.

— Какая же ты холодная, моя Полярная звезда! — сказал он. — Что случилось? Неужели ты волнуешься перед завтрашним днём, после такого-то триумфа сегодня? Ты всех покоришь, не сомневайся!

Она ответила таким ровным, бесцветным голосом, что сама едва узнала его:

— О нет, я не волнуюсь. Просто сегодня я слишком устала, чтобы что-либо чувствовать.

Он взял её лицо в ладони.

— Ну что ж, завтра в это время ты уже будешь целиком моей. Ещё один поцелуй — и я тебя отпущу. Колдунья! Чаровница! Никогда бы не подумал, что ты сумеешь заманить в свои сети даже старину Монка.

Она снова глубоко вздохнула, словно сгибаясь под тяжестью непосильного груза.

— Я тоже, — сказала она и устало подарила ему поцелуй, о котором он просил.

После этого он задержался ненадолго, возможно, поняв, что в тот вечер не сумеет пробудить в ней никакого искреннего отклика.

Её отчуждённость охладила бы любого менее пылкого мужчину. Но Дэйкр уходил, преисполненный столь блаженных ожиданий, что не придал ни малейшего значения очевидному отсутствию ответной радости с её стороны.

В его глазах она уже была его собственностью, а мысль о её счастье почти не приходила ему в голову.

Она приняла его предложение и, несомненно, прекрасно понимала, насколько выгодно устроила свою судьбу. На этот счёт у него не возникало никаких сомнений.

Стелла была молодой женщиной, отлично знавшей, чего хочет. Она сумела заполучить самого завидного жениха из всех доступных ей мужчин и едва ли собиралась теперь сожалеть о заключённой сделке.

И потому он беззаботно отправился своей дорогой, с небрежной щедростью бросив пару анна нищему, который следовал за ним по дороге, жалобно выпрашивая милостыню.

В эту удивительную ночь, ставшую свидетельницей окончательного торжества женщины, избранной им в невесты, Ральф был совершенно доволен собой и всем миром.

Он ничего больше не просил у богов, кроме того, что они уже соизволили ему даровать.

Любимец Фортуны, которому должен завидовать каждый мужчина.

Глава IV. Невеста

На следующий день товарищи Томми по службе заметили, что всю робость, подобающую столь торжественному случаю, проявлял не столько сама невеста, сколько её брат.

Когда он вёл сестру под руку по церковному проходу, лицо его пылало румянцем, а сам он смотрел прямо перед собой, словно не желая встречаться с устремлёнными на них взглядами. Невеста же шла гордо и уверенно, высоко подняв голову. В изгибе её прекрасных губ угадывалась едва заметная надменность, тень вызывающей улыбки. Всем присутствующим она казалась великолепным воплощением счастливой невесты.

— Неслыханная дерзость! — прошептала леди Гарриет, разглядывая гордое молодое лицо через лорнет.

— Ах, но как же она прекрасна! — пробормотала миссис Ролстон, и её поблёкшие глаза подёрнулись мечтательной дымкой.

— «Безупречна до порока, холодна до совершенства, великолепно пуста», — насмешливо процитировала маленькая миссис Эрмстед, на щеках которой застыл слабый румянец.

Да, Стелла была великолепна. Даже самые непримиримые её противницы вынуждены были это признать. В день своей окончательной победы она превзошла саму себя. Она сияла, словно королева, с величественной уверенностью в себе, совершенно непринуждённая и безмятежно равнодушная ко всякой критике.

У ступеней алтаря она одарила ожидавшего её жениха короткой приветственной улыбкой. На одно мгновение её спокойный взгляд остановился на смуглом лице шафера, но в глазах не мелькнуло ни искры узнавания.

Затем началось венчание, и Стелла исполнила свою роль с безупречным спокойствием.

Когда церемония закончилась, Томми нерешительно пригласил леди Гарриет и своего командира последовать за молодожёнами в ризницу. Они согласились. Полковник Мэнсфилд держался с особой шутливой важностью, которую нарочно напустил на себя по случаю торжества. Его жена шла рядом — прямая, с плотно сжатыми тонкими губами, суровая, всем своим видом выражавшая молчаливое неодобрение.

Невеста, откинув с прекрасного лица фату, стояла и смеялась вместе с мужем. На её нежных округлых щеках играл живой румянец. Даже леди Гарриет заметила, что он совершенно естественный, хотя прежде никогда не видела лицо девушки столь оживлённым.

Она чопорно приблизилась, и Ральф Дэйкр с изящной улыбкой взял жену под руку и подвёл к ней.

— Как любезно с вашей стороны, леди Гарриет! — воскликнул он. — Я очень надеялся на вашу поддержку. Позвольте представить вам мою жену!

В каждом слоге звучала гордость обладателя драгоценного сокровища. В ответ леди Гарриет снизошла до того, чтобы подставить невесте холодную щёку для поцелуя.

Стелла тотчас наклонилась и поцеловала её с такой непосредственной сердечностью, что тронула бы любого человека менее сурового. Но, по мнению леди Гарриет, именно эта порывистость всё и испортила. Она не любила порывистых людей.

Поэтому с ледяной сдержанностью приняла единственный дружеский шаг, который Стелле когда-либо предстояло сделать ей навстречу.

Но если леди Гарриет осталась невосприимчива к естественному обаянию девушки, то с её мужем дело обстояло совершенно иначе.

Стелла без малейшего усилия разрушила его напускную важность, протянув ему обе руки с простотой, которая сразу тронула его сердце. Он крепко сжал их по-отечески.

— Да благословит вас Бог, дорогая моя! — сказал он. — От всего сердца желаю вам обоим счастья.

Несколько секунд спустя она отвернулась от него с чуть дрогнувшим смехом и протянула руку шаферу. Но её пальцы не задержались в его ладони, а на короткие поздравления Монка она не ответила ни единым словом.

Десять минут спустя, когда Стелла выходила из ризницы вместе с мужем, миссис Ролстон неожиданно выступила вперёд и остановила её на глазах у всего собрания.

— Дорогая моя, — смиренно произнесла она, — милая, я знаю, вы мне позволите... Мне только хотелось сказать вам, как вы сегодня прекрасны и как горячо я молюсь о вашем счастье.

Это был смелый поступок, потребовавший немалого мужества.

Леди Гарриет, стоявшая поодаль, окаменела от неудовольствия. Она была ближе к настоящему гневу, чем когда-либо позволяла себе в присутствии столь ничтожной, по её мнению, особы, как жена полкового врача.

Даже сам майор Ролстон, человек на редкость невозмутимый, на мгновение растерялся от поступка жены.

Но Стелла... Стелла остановилась как вкопанная. В её глазах вспыхнул новый свет. В следующее мгновение она выпустила руку мужа и обеими руками обняла эту мягкую, увядшую женщину, которая осмелилась столь открыто встать на её сторону.

— Дорогая миссис Ролстон, — произнесла она не вполне твёрдым голосом, — как же это бесконечно добро с вашей стороны!

Когда Стелла поцеловала жену врача, в её глазах действительно стояли слёзы.

Этот непосредственный порыв сочувствия проник сквозь броню её сдержанности прямо к сердцу.

Когда она продолжила путь по церковному проходу рядом с мужем, лицо её удивительно смягчилось. Даже миссис Эрмстед не нашла ни одной язвительной насмешки, которую могла бы бросить ей вслед.

В улыбке, дрожавшей на губах Стеллы, было столько невольной печали, что она обезоруживала всякую критику.

За церковными дверями сияло ослепительное солнце. Его лучи с беспощадной силой пробивались сквозь навес.

Вокруг экипажа собралась любопытная толпа, желавшая посмотреть на свадебное шествие.

В ослеплённых глазах Стеллы она превратилась в колышущееся море незнакомых лиц.

Но одно лицо выделялось среди остальных — спокойное лицо великолепного слуги-сикха Ральфа Дэйкра, облачённого в белоснежные одежды. Он стоял у дверцы экипажа и почтительно поклонился, протянув руку, чтобы защитить платье невесты от колеса.

— Это Пётр Великий, — небрежно пояснил Дэйкр. — Человек исключительной честности, Стелла, и превосходный телохранитель.

— Здравствуйте, — сказала Стелла и протянула руку.

Она сделала это совершенно естественно.

За четыре недели пребывания в Индии она ещё не научилась относиться к местным слугам с презрением, а величественная осанка этого человека вызывала у неё почти такое чувство, словно перед ней стоял князь.

При виде её протянутой руки он быстро выпрямился, и Стелла заметила, как его серьёзное лицо внезапно озарилось сияющей улыбкой.

Затем он принял её руку и низко склонился над ней, так что на мгновение его лоб, покрытый тюрбаном, коснулся её пальцев.

— Да светит вам солнце всегда, моя мемсахиб! — произнёс он.

Позднее Стелла поняла, что и в этом жесте, и в этих словах заключалось молчаливое признание её своей госпожой — признание, которому предстояло превратиться в верность на всю жизнь.

Она села в экипаж, чувствуя в сердце тепло, совершенно не похожее на ледяные тиски, сжимавшие его всего полчаса назад, когда она приехала в церковь вместе с Томми.

Муж обнял её за плечи, когда экипаж тронулся, и крепко прижал к себе.

— О, звезда моего сердца, как ты великолепна! — сказал он. — Мне кажется, я женился на королеве. И ты даже не волновалась.

Она опустила голову, не глядя на него.

— Бедный Томми волновался, — сказала она.

Дэйкр снисходительно улыбнулся.

— Томми ещё совсем мальчишка.

Она тоже улыбнулась.

— Он ровно на год младше меня.

Дэйкр притянул её ближе, пожирая глазами.

— Ты, Стелла! — воскликнул он. — Ты неподвластна времени, как звёзды.

Она тихонько рассмеялась, не поддаваясь его объятию, но и не сопротивляясь открыто.

— Это всего лишь красивый способ сказать, что я гораздо старше, чем кажусь, — заметила она. — И ты совершенно прав. Так оно и есть.

Его рука властно притянула её.

— Ты — это ты, — сказал он. — И ты так божественно молода и прекрасна, что тебя невозможно мерить обычной меркой. Все они это знают. Вот почему тебя не приняли в своё общество с распростёртыми объятиями. Ты бесконечно выше их всех.

При этом намёке она слегка вздрогнула.

— Надеюсь, я не настолько необыкновенная, — сказала она.

Его объятие стало настойчивее.

— Ты единственная в своём роде, — сказал он. — Ты великолепна.

В его объятии чувствовалась едва сдерживаемая страсть, и Стеллу внезапно пробрала дрожь.

— О, Ральф, — сказала она, — не надо... не боготвори меня так сильно!

В её умоляющем голосе слышалась дрожь, но заключённая в нём печаль каким-то образом прошла мимо его сознания.

Он видел только её красоту, и от этого кровь бурлила в каждой жилке его тела.

Почти яростно он прижал её к себе.

И даже не заметил, что губы Стеллы слишком жалобно дрожат, чтобы ответить на его поцелуй, а её покорность объятию говорит скорее о безмолвном терпении, чем о радостной самоотдаче.

Он стоял, словно завоеватель на пороге только что приобретённого царства, и восторгался великолепием его сокровищ, потому что отныне все они принадлежали ему одному.

Ему даже не пришло в голову усомниться, что счастье Стеллы вполне равно его собственному.

Стелла была женщиной, к тому же сдержанной, но счастлива она была, несомненно счастлива.

С самодовольством он размышлял о том, что, если каждый мужчина в офицерском собрании завидует ему, то, вероятно, каждая женщина в гарнизоне охотно поменялась бы местами со Стеллой.

Разве он не любимец Фортуны?

Какой более счастливой судьбы могла бы пожелать любая женщина, чем стать его женой?

Глава V. Сон

Прошло две недели после свадьбы. В один из вечеров, когда жара была особенно невыносимой, Эверард Монк, уже поселившийся вместе с Томми в Зелёном бунгало, вернулся с игры в поло и обнаружил ожидавшую его почту.

Он неторопливо прошёл через веранду в поисках прохладительного напитка. Найти его он рассчитывал в комнате, которую Стелла за недолгое время своего пребывания сумела сделать гораздо уютнее и изящнее остальных, хотя гостиной её никто никогда не называл.

Пол был покрыт светло-зелёной циновкой, на длинных плетёных креслах лежали подушки того же оттенка. Перед окнами висели занавеси из зелёной кисеи, и яростные солнечные лучи, проникая сквозь них, придавали комнате странную прозрачность. Казалось, это помещение находилось глубоко под водой.

Монк собирался выпить и сразу отправиться к себе принять ванну, но письма на столе привлекли его внимание, и он остановился.

Стоя в зеленоватом полумраке со стаканом в руке, он принялся разбирать почту. Два письма предназначались ему, два — Томми; последние, судя по виду, были счетами. Под ними лежало ещё одно письмо, тоже адресованное Томми, написанное чётким округлым женским почерком.

Оно пришло из Сринагара.

Монк несколько секунд держал конверт в руке и смотрел прямо перед собой невидящими глазами. На эти краткие мгновения в его сознании возникло насмешливое видение, словно причудливый гном затеял там свой танец.

Вероятно, именно сейчас большинство его товарищей распечатывали письма от жён, уехавших в горы. А перед ним на мгновение вспыхнула возможность, которой он не воспользовался, — словно далёкий, ускользающий солнечный луч на горизонте взволнованного моря.

Видение исчезло.

Он положил письмо и взял собственную корреспонденцию. Одно письмо пришло из Англии. Монк налил себе выпить, опустился в кресло и принялся читать.

Письмо было от единственного родственника, оставшегося у него на свете, — старшего брата.

Бернард Монк был на пятнадцать лет старше Эверарда. Человек блестящих способностей, он давно отказался от всяких надежд на мирскую карьеру, целиком посвятив себя служению тюремным капелланом.

Братья не виделись более пяти лет, но регулярно переписывались. Каждый месяц Эверард получал тонкий конверт, надписанный твёрдым, угловатым почерком человека, который всю жизнь оставался его самым близким и лучшим другом.

Откинувшись на спинку плетёного кресла, усталый и расслабленный, он вскрыл письмо и начал читать.

Десять минут спустя в комнату стремительно вбежал Томми Денверс, тоже одетый для игры в поло.

На пороге он внезапно остановился и уставился на Монка с таким потрясённым изумлением, словно его схватил за горло неожиданный ужас.

— Боже правый, Монк! Что случилось? — воскликнул он.

Возможно, причиной был зеленоватый полумрак комнаты, но в первое мгновение Томми показалось, будто лицо Монка принадлежит человеку, получившему смертельную рану.

Это впечатление почти тотчас исчезло, однако память о нём навсегда запечатлелась в сознании юноши.

Прежде чем ответить, Монк поднёс стакан к губам и отпил. Пока он пил, к нему вернулось привычное суровое спокойствие, так что Томми даже усомнился, не обманули ли его собственные глаза.

Поставив стакан, Монк посмотрел на юношу мрачным взглядом. Письмо брата он по-прежнему крепко сжимал в руке.

— Привет, Томми! — произнёс он с едва заметной улыбкой. — Куда это ты так чертовски спешишь?

Томми взглянул на письма, лежавшие на столе, и тотчас схватил верхнее.

— Письмо от Стеллы! Наконец-то! В последнее время она стала никудышной корреспонденткой. Где они сейчас? А, Сринагар! Везучий негодяй этот Дэйкр! Хотел бы я, чтобы он прихватил с собой и меня, а не только Стеллу! Куда я спешу? Да посмотри на часы, старина! Если ты сам не поторопишься, опоздаешь к ужину в собрании!

Наедине с капитаном Томми держался неизменно непринуждённо. Со времени своей болезни он совершенно перестал робеть перед Монком. Но даже в самые фамильярные минуты в его поведении сохранялось некоторое почтение.

Он безгранично уважал своего капитана и с мальчишеской искренностью гордился их близостью. Не существовало такой жертвы — большой или малой, — на которую он не пошёл бы с готовностью ради Монка.

Монк это знал. Он понимал, что преданность юноши — чистое золото, и ценил её по достоинству.

И всё же, несмотря на полное доверие к благоразумию Томми, Монк не собирался открывать ему душу без остатка.

Вероятно, ни одному человеку на свете он не сумел бы доверить сокровеннейшие свои тайны. Он не принадлежал к людям, склонным изливать чувства.

Однако Томми занимал особое место в его привязанностях. Были вещи, которые Монк скрывал от всех остальных, но уже не пытался скрывать от этого верного последователя.

Такова была привилегия Томми.

Услышав последнее замечание юноши, Монк поднялся.

— Да, ты прав. Пора идти. Мне будет интересно узнать, что твоя сестра думает о Кашмире. Через два года после приезда в Индию я побывал там на охоте. Прекрасная страна.

— Есть хоть какое-нибудь место, где ты ещё не бывал? — спросил Томми. — Уверен, однажды ты напишешь книгу.

Монк иронически взглянул на него.

— Не раньше, чем меня спишут со счетов, Томми, — сказал он. — Когда уже не останется ничего более полезного.

— Тебя никогда не спишут со счетов! — горячо возразил Томми. — Ты слишком ценный человек.

Монк слегка пожал плечами и направился к выходу.

— Сомневаюсь, что кому-нибудь, кроме тебя, придёт в голову подобное соображение, дружище, — заметил он.

Некоторое время спустя они вместе шли к офицерскому собранию сквозь душную, неподвижную темноту. Ни в дороге, ни на протяжении всего вечера в поведении Монка не было ничего, что подтвердило бы тревожное впечатление, оставшееся у Томми.

Впрочем, настроение в собрании в те дни было не слишком весёлым. Почти все женщины уехали в горы, а усиливающаяся жара постепенно превращала жизнь в тяжкое испытание.

Младшие офицеры старались поддерживать бодрость духа. Один из них, Берти Оукс, весёлый, но легкомысленный юноша, даже предложил устроить импровизированные танцы, чтобы оживить вечер.

Однако сторонников у него почти не нашлось.

После поло все устали. Полковник Мэнсфилд и майор Бёртон были поглощены известиями, которые принёс Барнс из полиции, а у остальных хватало сил разве что на разговоры.

Вскоре Томми решил уйти пораньше, чтобы спокойно прочитать письма. Перед уходом он, как обычно, огляделся в поисках Монка, но тот вместе с капитаном Эрмстедом оказался втянут в обсуждение новостей с полковником. Поэтому Томми отправился домой один.

Вернувшись в Зелёное бунгало, он сбросил китель и устроился на веранде в одной рубашке, чтобы прочитать письмо сестры. Свет лампы под красным абажуром падал на страницы.

Стелла подробно рассказывала об их странствиях, но своего спутника почти не упоминала.

Всё происходящее напоминало ей великолепный сон. Каждый новый день открывал перед ней ещё большие красоты.

Первые два дня они провели в Агре, осматривая удивительный Тадж-Махал, великолепие которого, разумеется, невозможно передать словами. Оттуда отправились в Равалпинди, где у Ральфа было несколько друзей-военных, которым он хотел представить молодую жену.

Было очевидно, что ему не терпелось похвастаться своим новым сокровищем. Читая об этом эпизоде, Томми слегка нахмурился: он прекрасно понимал, почему Стелла упомянула о нём так бегло.

По какой-то причине его неприязнь к Дэйкру быстро усиливалась, и теперь он читал письмо особенно придирчиво. Впервые сестра рассказывала о путешествии столь подробно.

Из Равалпинди они направились в восхитительный Мурри, расположенный среди сосен, где даже простое дыхание доставляло необыкновенное наслаждение.

Об этом месте Стелла писала почти с тоской: ей так хотелось задержаться там подольше.

«Я могла бы быть совершенно счастлива там, в полном одиночестве, — писала она, — если бы только Пётр Великий присматривал за мной».

Слугу-сикха она упоминала не раз, и с каждым упоминанием её привязанность к нему становилась заметнее.

«Он словно огромный добрый сторожевой пёс, — говорилось в одном месте письма. — Каких бы удобств мне ни захотелось, он каким-то образом всё устраивает. Он всегда начеку, всегда появляется, когда нужен, и при этом никогда не мешает».

Но время их путешествия было ограничено, а Ральф стремился использовать его до последней минуты. Поэтому они покинули Мурри после совсем короткой остановки и двинулись дальше, в Кашмир, путешествуя в тонге — двухколёсной конной повозке — среди самых великолепных пейзажей, какие Стелле когда-либо доводилось видеть.

«Как бы мне хотелось, чтобы ты был здесь и мог наслаждаться всем этим вместе со мной!» — писала она.

Затем следовало восторженное описание гор, среди которых пролегал их путь. Все они были величественно прекрасны, а многие увенчаны вечными снегами.

Стелла рассказывала о стремительной великолепной реке Джелам, сопровождавшей их дорогу; о цветах, повсюду распускавшихся в ослепительном изобилии: диких розах, подобных которым она прежде и представить себе не могла, пурпурных акациях, жёлтом и белом жасмине, нежных папоротниках адиантума, свисавших живыми зелёными гирляндами над бурлящими водопадами, и ярко-алых цветах граната, разгоравшихся по склонам словно пламя.

А горный воздух казался самим дыханием жизни.

Стелла уверяла, что физически никогда ещё не чувствовала себя настолько хорошо. Но о счастье она не говорила ни слова, и Томми снова нахмурился.

При всём восторге, которым было проникнуто письмо, в нём чего-то недоставало. И это отсутствие неуловимым образом причиняло ему боль.

Почему она так мало говорила о своём спутнике в этой дикой стране?

Случайный читатель ни за что не догадался бы, что письмо написано молодой женой во время свадебного путешествия.

Он читал дальше.

Стелла рассказывала, как они поднимались по реке к Сринагару в лодке, которой управляли местные лодочники. Вспоминая их печальные, монотонные песни, она вновь сравнивала происходящее со сном.

«Иногда я спрашиваю себя, не сплю ли я на самом деле, Томми. Не проснусь ли однажды среди глубокой ночи и не обнаружу ли, что вовсе не покидала Англию?

Порой мне кажется именно так — словно жизнь на какое-то время остановилась. Это странное существование не может быть настоящим. Я уверена, что где-то в глубине души я сплю».

В Сринагаре как раз проходил местный праздник. Крики людей и грохот барабанов несколько нарушили гармонию их прибытия.

Но всё это было интересно, словно захватывающая волшебная сказка, писала Стелла, и совершенно нереально. Она никак не могла поверить, что всё происходит наяву.

Ральфа шум и беспорядок привели в отвращение. Он сравнил город с сумасшедшим домом, населённым грязными безумцами, и они без промедления покинули его.

Наконец они добрались до своего нынешнего пристанища в самом сердце дикой природы. Их сопровождали носильщики, вьючные лошади и палатки. Лагерь разбили возле стремительного ручья, чья прозрачная музыка наполняла воздух днём и ночью.

«И вот он, рай, — писала Стелла. — Но это рай Востока, и я не уверена, что мне предназначено в нём какое-нибудь место.

Мне кажется, я навсегда останусь здесь незваной гостьей. Я боюсь заглядывать за каждый поворот: вдруг там встречу ангела с огненным мечом, который изгонит меня прочь, в пустыню.

Если бы только ты был здесь, Томми, всё казалось бы мне гораздо более настоящим.

Но Ральф — тоже часть этого сна. Он и сам почти напоминает восточного владыку со своими бесконечными сигаретами и удивительной способностью целыми днями ничего не делать, ни на минуту не испытывая скуки.

Разумеется, я тоже не скучаю. Но ведь во сне никто никогда не скучает.

Вся эта ленивая безмятежность действует на меня словно наркотик. Не могу представить, что когда-нибудь снова почувствую желание действовать в этой убаюкивающей атмосфере.

Возможно, в самом воздухе слишком много шампанского и я никогда не бываю совершенно трезвой.

А возможно, только в пустыне человек действительно живёт полной жизнью.

Бесконечное пение ручья убаюкивает меня сладкой дремотой даже сейчас, пока я пишу.

Кстати, интересно, есть ли хоть какой-нибудь смысл в написанном? Если нет, прости меня! Но я слишком ленива, чтобы перечитывать письмо.

Кажется, я отведала лотоса.

До свидания, дорогой Томми! Пиши, когда сможешь, и сообщай, что у тебя всё хорошо, как, я думаю, и должно быть, хотя знать этого наверняка не могу.

Твоя неизменно любящая, хотя сейчас и странным образом околдованная сестра,

Стелла».

Томми опустил письмо и некоторое время лежал неподвижно, нахмурившись и глядя в темноту.

Он слышал шаги Монка, входившего через ворота двора, но впервые почти не обратил на них внимания. Его тревожные мысли были так поглощены сестрой, что возвращение друга едва достигло его сознания.

Лишь когда Монк поднялся по ступеням веранды и направился вдоль неё, Томми повернул голову и заметил его.

Монк остановился рядом.

— Ну что, Томми, — сказал он, — не пора ли спать?

Томми сел.

— Пожалуй. Чертовски жарко, правда? Я тут читал письмо Стеллы.

Монк прислонился плечом к оконной раме.

— Надеюсь, у неё всё благополучно, — произнёс он сдержанно.

Голос его звучал рассеянно. Томми вовсе не показалось, что капитан особенно заинтересован в ответе.

— Думаю, да, — ответил он с некоторым усилием. — Хотя прямо она об этом не пишет. Лучше бы они остались в Бхулване. Тогда я смог бы получить отпуск и съездить к ней.

— Где именно они теперь находятся? — спросил Монк.

Томми объяснил, насколько сумел.

— Похоже, ближайший к ним цивилизованный город — Сринагар. Они разбили лагерь среди диких гор. Но скоро им придётся сниматься с места. Отпуск Дэйкра заканчивается, а ведь ещё нужно оставить время на обратную дорогу. Стелла же пишет так, словно собирается остаться там навеки.

— Значит, ей нравится путешествие?

Голос Монка по-прежнему звучал так, словно мысли его были заняты чем-то другим.

Томми ответил неохотно:

— Полагаю, по-своему нравится. Но в одном я совершенно уверен.

Он внезапно заговорил с особой горячностью:

— Она получала бы куда больше удовольствия, будь рядом с ней я, а не Дэйкр.

Монк коротко, сухо рассмеялся.

— Ревнуешь?

— Нет, я не такой дурак, — безрассудно ответил Томми. — Но я знаю, просто не могу не знать, что этот человек ей ни капельки не дорог. Да и какая женщина, у которой есть хоть немного мозгов, могла бы его полюбить?

— Женские вкусы и поступки никогда не поддаются объяснению, — заметил Монк. — Во всяком случае, он нравился ей достаточно, чтобы она вышла за него замуж.

Томми возмущённо фыркнул.

— Тогда она была готова выйти за кого угодно. Наверное, и за тебя вышла бы, если бы ты предложил.

Монк резко пошевелился, словно на мгновение потерял равновесие, но тотчас снова принял прежнюю позу.

— Ты так думаешь? — спросил он с явной иронией. — В таком случае, возможно, она счастливо избежала опасности. Если бы она ещё немного оставалась свободной, мне, пожалуй, пришло бы в голову сделать ей предложение.

— Как бы я хотел, чтобы ты это сделал! — прямо сказал Томми.

Монк снова издал свой короткий саркастический смешок.

— Благодарю тебя, Томми, — произнёс он.

Между ними наступило молчание.

Горячий порыв ветра пронёсся над иссушенным двором и с унылым шелестом зашевелил обожжённые солнцем веточки плетистой розы на веранде. Казалось, по решётке ощупью скользят костлявые руки скелетов.

Томми подавил дрожь и поднялся на ноги.

В ту же минуту Монк заговорил снова — обдуманно, бесстрастно, с оттенком мрачной решимости:

— Кстати, Томми, у меня для тебя новость. В сегодняшнем письме брат сообщил мне об одном неотложном деле, которым могу заняться только я.

Время для этого выбрано довольно неудачное. Полицейский Барнс принёс сегодня тревожные известия из Ханмуллы, и начальство намеревалось использовать меня там.

Решено отправить специальную миссию для расследования, и мне предложили её возглавить.

— Вот это да! — Глаза Томми внезапно загорелись восторгом. — Какая возможность!

— Возможность, которой я не воспользуюсь, — сухо ответил Монк. — Вместо этого я попросил отпуск. Он мне в любом случае полагается, но первым свою очередь использовал Дэйкр.

Начальник не хотел отпускать меня, однако в конце концов уступил. Вам, ребята, придётся некоторое время поработать усерднее обычного, вот и всё.

Томми смотрел на него в полном изумлении.

— Но послушай, Монк! — запротестовал он. — Эта миссия! Ведь именно такое дело доставило бы тебе больше всего удовольствия! Неужели ты действительно упустишь подобную возможность?

— Моё собственное дело не терпит отлагательства, — коротко ответил Монк.

Тут Томми вспомнил потрясённое выражение лица друга, которое случайно увидел вечером, и тревога мгновенно вытеснила удивление.

— Ты получил дурные вести из Англии! Слушай, мне ужасно жаль. Твой брат болен или что-нибудь ещё?

— Нет. Дело не в этом. Я не могу обсуждать его с тобой, Томми. Но мне необходимо уехать. Начальник дал мне восемь недель, и на рассвете я отправляюсь.

С этими словами Монк сделал движение, словно собирался войти в дом.

— Ты едешь в Англию? — воскликнул Томми. — Чёрт возьми, старина, как же быстро всё решилось!

Затем сочувствие вновь взяло верх.

— Слушай, мне действительно ужасно жаль. Ты ведь будешь беречь себя?

— Разумеется. Со всей возможной осторожностью.

Монк остановился и неожиданно положил руку юноше на плечо.

— И ты береги себя, Томми, — сказал он. — Не вздумай натворить каких-нибудь глупостей, пока меня не будет! А если захочешь пить, ограничивайся лаймовым соком!

— Буду примерным мальчиком, — пообещал Томми, тронутый и этим жестом, и наставлением. — Но без тебя здесь будет чертовски скверно. Ненавижу одиночество. А Стелла, когда они вернутся, застрянет в Бхулване до конца жаркого сезона.

— Ну, я ведь не навсегда уезжаю.

Монк похлопал его по плечу и отвернулся.

— Я отправляюсь вовсе не в увеселительную поездку. И чем скорее всё закончится, тем больше я буду доволен.

С этими словами он вошёл в комнату — ту самую, где Стелла сидела накануне свадьбы, вглядываясь в ночную темноту.

И тут в памяти Томми само собой всплыло странное воспоминание о лице друга в тот вечер: глаза Монка горели страстным светом, когда он смотрел вверх, словно перед ним возникло какое-то видение.

Озадаченный и смутно встревоженный, Томми сунул письмо сестры в карман и отправился к себе.

Глава VI. Сад

Рай Востока! С тех пор как Стелла написала эти слова, прошла неделя, но очарование не рассеивалось — напротив, чудо становилось всё удивительнее. Никогда прежде она не представляла себе страны столь совершенной, столь неуловимо пленительной, исполненной такого волшебства. Дни сменяли друг друга бесконечной чередой. За одной колдовской ночью наступала другая, и чары всё теснее опутывали её. Порой Стелле казалось, что сама её личность растворяется в окружавшей красоте, что эта красота превращает её в часть своего великолепия и скоро она перестанет существовать отдельно от него.

Русалочья песня потока, стремительно мчавшегося под их стоянкой, наполняла её сознание днём и ночью. Казалось, она лишала Стеллу способности мыслить и притупляла все чувства, кроме одного — томного наслаждения. Оно не покидало её никогда: сонное, почти приторное в своей неизменной сладости, словно плод лотоса, который она, несомненно, вкушала изо дня в день. Все нервы словно дремали, все силы были убаюканы.

Иногда Стелла спрашивала себя, не шум ли бегущей воды так действует на неё, ведь куда бы они ни направлялись, он всюду следовал за ними. Ручьи, питавшиеся снегами, струились повсюду; с тех пор как они покинули Сринагар, она не могла вспомнить ни одного мгновения, когда их непрестанная музыка не доносилась бы до слуха. Она преследовала её бесконечным припевом, но никогда не надоедала. В этом зачарованном мире сновидений не существовало самой мысли об усталости.

В начале супружеской жизни — теперь таком далёком, что Стелла едва могла его припомнить, — она пережила мучительные страдания и жестокое раскаяние. Всё её существо восставало, и ей потребовались все силы, чтобы подавить бунт. Но это осталось далеко, бесконечно далеко позади. Теперь она почти ничего не чувствовала, кроме безмолвного, даже спокойного согласия с этим сонным существованием. Ральфа Дэйкра такое положение вполне удовлетворяло.

Он всегда был совершенно уверен в своей способности сделать жену счастливой и блаженно не подозревал о яростном порыве к сопротивлению, который ей едва удалось задушить. У него не было желания заглядывать в глубины её души. Он довольствовался жизнью такой, какой она была, с удовольствием разделял с нею мечтательные наслаждения этой плодородной глуши и не стремился смотреть дальше.

Будущее мало его тревожило, хотя, когда он о нём задумывался, оно тоже представлялось ему приятным. Иногда он любил воображать дни, когда Стелла будет блистать королевой — его королевой — среди завистливой толпы. Её положение как его жены станет неоспоримым, и даже самой леди Гарриет придётся спустить свой флаг. А уж как будет скрежетать зубами маленькая Нетта Эрмстед! При одной мысли об этом он посмеивался. В последнее время Нетта слишком зазналась. Забавно будет посмотреть, как она усвоит урок.

Что касается товарищей по службе, даже молчаливый Монк уже доказал, что не устоял перед чарами Стеллы. Ральфу стало любопытно, что сама Стелла думает об этом человеке: он прекрасно знал, что немногие женщины любят Монка. И однажды вечером, когда они сидели в благоухающей темноте, а грохот горного потока заполнял паузы в их неторопливой беседе, Дэйкр перевёл разговор на Монка, чтобы удовлетворить своё ленивое любопытство.

— Пожалуй, мне следовало бы написать этому парню, — сказал он. — Но раз уж ты написала Томми, это почти одно и то же. К тому же не думаю, что Монка хоть сколько-нибудь заинтересовало бы моё письмо. Он только заскучал бы.

Стелла ответила не сразу, но в те дни она вообще говорила медленно.

— Я думала, вы друзья, — произнесла она.

— Что? Ах да, конечно! — Ральф Дэйкр рассмеялся своим лёгким, самодовольным смехом. — Только он человек с секретами, понимаешь? Никогда не знаешь, как к нему подступиться. Твой брат Томми гораздо ближе с ним, чем я, хотя мы больше четырёх лет жили под одной крышей. Парень он, бесспорно, очень умный — на мой вкус, даже чересчур. Умники всегда наводят на меня скуку. Интересно, какое впечатление он произвёл на тебя?

И снова Стелла помедлила с ответом, но в этой паузе не было особого значения. Казалось, ей трудно сосредоточиться на предмете разговора.

— Я согласна с тобой, — сказала она наконец. — Он умён. И добр. Он очень много сделал для Томми.

— Томми готов лечь перед ним на землю и позволить себя растоптать, — заметил Дэйкр. — Может, Монку это и нравится. Но сам он холоднокровный тип. Не верю, что он способен по-настоящему привязаться хоть к кому-нибудь. Слишком честолюбив.

— Он честолюбив? — Голос Стеллы звучал устало, совершенно безучастно.

Дэйкр глубоко затянулся сигарой и медленно выпустил дым. Его любопытство разгоралось.

— Ещё как! Из тех, кому непременно надо добиться высот. Такие сильные молчуны всегда честолюбивы. И нет сомнений, что однажды он прославится. У него поразительные способности к языкам. К тому же он занимается делами тайной службы: переодевается и бродит по туземным базарам, выдавая себя за одного из местных. Такие люди для правительства просто бесценны. И крепок он как подошва. Климат ему нипочём. Посади его на раскалённую решётку — и там будет доволен. Наверняка когда-нибудь станет большой шишкой.

Он стряхнул пепел с сигары.

— А мы с тобой к тому времени будем спокойно стареть на вилле в Челтнеме, — закончил он.

Стеллу передёрнула лёгкая дрожь. Она промолчала, и между ними вновь воцарилась тишина.

За долиной, над изломанной грядой снежных вершин, поднималась луна. Кое-где горы уже серебрились в её свете, вокруг ложились таинственные тени, а весь мир погружался в волшебные сумерки, сквозь которые всё виделось смутно, словно за сияющей вуалью.

В воздухе висел запах сигары Дэйкра — душистый, пряный, восточный. Он сонно наблюдал за чистым профилем жены, устремившей взгляд в свой мир грёз. Было очевидно, что Монк и его будущая карьера мало её занимали. Ничего удивительного: Монк был не из тех мужчин, которые привлекают женщин. Он сам почти не интересовался ими — этот молчаливый наблюдатель, чей взгляд постоянно проникал под поверхность восточной жизни; человек, который учился, читал и знал гораздо больше остальных, но так ревниво оберегал свои знания и методы, что лишь те, кто ежедневно находился рядом, догадывались о скрытом.

— Когда-нибудь он всех нас удивит, — благодушно рассуждал Дэйкр. — Такие тихие честолюбцы всегда взлетают высоко. Но я не поменялся бы с ним местами, даже если он заберётся на самую вершину. Люди, которые делают из работы культ, ни от чего не умеют получать удовольствие. А когда наконец приходит время развлечений, они уже слишком стары, чтобы радоваться.

И он продолжал беззаботно сидеть в кресле, любуясь серьёзным лицом молодой жены, смакуя жизнь с наслаждением истинного эпикурейца, пребывая в полном согласии со всем миром в эту ночь грёз.

Становилось поздно. Луна уже поднялась над дальними вершинами и залила спящую долину потоком света, когда Ральф наконец отбросил окурок сигары и лениво протянул руку, привлекая Стеллу к себе.

— Отчего ты такая молчаливая, звезда моего сердца? Где блуждают твои мысли?

Как обычно, она покорно приняла его прикосновение — без сопротивления, но и без всякой радости.

— Мои мысли не стоят того, чтобы их высказывать, Ральф, — ответила она.

— Всё равно расскажи! — попросил он, прислонив голову к её плечу.

Она сидела в его объятиях совершенно неподвижно.

— Я просто смотрела на лунный свет, — сказала она. — И почему-то подумала... об огненном мече.

— Который обращается во все стороны? — лениво пошутил он. — Надеюсь, он не собирается изгнать нас из райского сада? Это было бы жестоко по отношению к двум таким безобидным смертным, как мы, правда, дорогая?

— Не знаю, — серьёзно ответила она. — Сомневаюсь, что одна только безобидность способна открыть кому-нибудь врата рая.

Он рассмеялся.

— Не могу рассуждать о нравственности в такой поздний час, звезда моего сердца. Пора нам в своё логово. Думаю, ты просидела бы здесь до рассвета, если бы я позволил, ты, самая неземная из женщин! Интересно, ты вообще когда-нибудь вспоминаешь, что у тебя есть тело?

Произнеся эти беспечные слова, он поцеловал её в шею. Стеллу охватила внезапная дрожь. Она чуть заметно пошевелилась, пытаясь освободиться.

Но в следующее мгновение резко, почти судорожно вцепилась в его руку.

— Ральф! Что это?

Она смотрела на тень, которую отбрасывали цветущие азалии в лунном свете, примерно в десяти ярдах от них. Дэйкр с неторопливой уверенностью приподнялся и посмотрел туда же. Его нелегко было встревожить.

Но Стелла продолжала держать его за руку, и в её пальцах чувствовалось волнение.

— Что это? — прошептала она. — Что там может быть? Я видела, как оно шевельнулось. Дважды. Ах, смотри! Неужели... неужели это пантера?

— Боже милостивый, дитя моё, конечно нет! — беспечно отозвался он, высвободил руку и встал. — Скорее всего, какой-нибудь грязный старый нищий, который вообразил, что за беспокойство ему полагается бакшиш. Оставайся здесь, а я пойду разберусь!

Но Стеллу подстегнуло нервное предчувствие. Она тоже вскочила и удержала его.

— О, не ходи, Ральф! Не ходи! Позови кого-нибудь из слуг! Позови Петра!

Он рассмеялся над её тревогой.

— Дорогая, не говори глупостей! Мне не нужен Пётр, чтобы вышвырнуть мерзкого туземца. Да он, пожалуй, и не снизошёл бы до такого занятия.

Однако она не отпускала его.

— Ральф, не ходи! Пожалуйста! У меня такое чувство... Мне страшно... Я...

Она оборвала себя, тяжело дыша и крепко сжимая его рукав.

— Не ходи! — повторила она.

Он обнял её за плечи.

— Дорогая моя, что, по-твоему, может сделать мне оборванный бродяга? Может быть, он заклинатель змей, и тогда тем более следует поскорее от него избавиться. Вот! Что я говорил? Он выходит из своего угла. Ну, не бойся! Этим людям нельзя показывать страх.

Он крепко прижал её к себе и стал ждать. Возле цветущих азалий несомненно что-то двигалось. Пока они смотрели, из тени медленно отделилась странная фигура и поползла к ним. Незнакомец был одет в местное платье и передвигался шаркающей походкой, согнувшись так, словно был калекой.

Стелла вся напряглась. В его жабьем приближении было нечто невыразимо отвратительное.

— Пусть кто-нибудь из слуг прогонит его! — настойчиво прошептала она. — Прошу тебя! Возможно, ты прав и это заклинатель змей. Он и сам движется словно пресмыкающееся. А я... я ненавижу змей.

Но Дэйкр не двигался. Он вовсе не испытывал того ужаса и отвращения, которые внушало жене приближающееся согбенное, уродливое существо. Ему просто было любопытно, как далеко может зайти наглость кашмирского нищего.

Не дойдя до них каких-нибудь шести шагов, шаркающая фигура остановилась в ярком лунном свете и поклонилась, протянув вперёд руки, похожие на когтистые лапы. Уродство сгибало его почти пополам, а лохмотья так плотно укутывали тело, что в нём трудно было различить человеческие очертания. Из-под грязной накидки на голове свисала спутанная чёрная борода, а над нею странно поблёскивали два лихорадочных, вороватых глаза.

Закончив поклон, незваный гость выпрямился настолько, насколько позволял его недуг, и заговорил слабым голосом дряхлого старика:

— Не соизволит ли его всемилостивое превосходительство позволить тому, кто подобен праху под его ногами, произнести в его присутствии слова, предназначенные только для его ушей?

Это было обычное нытьё индийского нищего — прерывистое, умоляющее, почти омерзительное в своей рабской покорности. Стелла содрогнулась. Всё происходящее казалось совершенно чуждым этому залитому лунным светом раю.

Но любопытство Дэйкра явно пробудилось. На её настойчивый шёпот с просьбой прогнать человека он не обратил внимания. Какой-то дух противоречия — или сама рука судьбы? — заставил его снисходительно выслушать пресмыкавшегося гостя.

— Говори, сын сороконожки! — благодушно ответил он. — Я весь внимание. Мемсахиб тоже.

Нищий замахал тощей рукой, протестуя.

— Только его всемилостивое превосходительство! — настаивал он, словно выдавливая слова пересохшими губами. — Не снизойдёт ли его превосходительство до того, чтобы подарить своему недостойному слуге одно драгоценное мгновение и позволить прошептать слова лишь в августейшее ухо?

— Как таинственно! — заметил Дэйкр. — Пожалуй, придётся узнать, чего он хочет, а, Стелла? Возможно, сведения у него ценные.

— О, прогони его! — взмолилась Стелла. — Я ещё не привыкла к этим местным жителям. Они меня пугают.

— Дитя моё, какой вздор! — рассмеялся Дэйкр. — Какой вред кому-нибудь может причинить этот дряхлый дурак? Будь я Монком, пригласил бы его присоединиться к нашей компании. Но поскольку я не Монк, выслушаю, что ему нужно, а потом вышвырну. Иди спать, дорогая! Я быстро с ним разделаюсь и приду следом. Не тревожься! Совершенно незачем.

Он легко поцеловал её, польщённый очевидной тревогой за себя, но твёрдо решивший не обращать на неё внимания.

Стелла молча отвернулась. Она знала, что, однажды приняв решение, Ральф способен проявить непреклонное упрямство. Но тяжёлое предчувствие не отпускало её. Каким-то непостижимым образом красота ночи оказалась осквернена, словно по миру разгуливали злые духи. Впервые ей захотелось удержать мужа возле себя.

Однако возражать было бесполезно. К тому же она сама немного стыдилась своего беспокойства, а его отношение к нему задело её настолько, что она решила подавить страх. У палатки она рассталась с Ральфом, больше ничем не показывая нежелания отпускать его.

Он же поцеловал её со своей обычной чувственной пылкостью.

— Спокойной ночи, любимая! — беспечно сказал он. — Не жди меня без сна! Когда отделаюсь от этого старого грешника из «Тысячи и одной ночи», возможно, выкурю ещё сигару. Только не теряй терпения! Я скоро.

Она почти холодно отстранилась. Разве она когда-нибудь с нетерпением ожидала его прихода? Гордо подняв голову, Стелла вошла в палатку.

Но едва она осталась одна, как её выдержка исчезла. Она стояла, крепко сцепив руки, борясь с прежними невыносимыми сомнениями, которые не сумела усыпить даже окружавшая её магия. Что делала она в этом саду наслаждений рядом с человеком, которого не любила? Разве не проникла сюда украдкой? Сколько времени пройдёт, прежде чем её обнаружат и с позором изгонят во внешнюю тьму, оставив в душе стыд и горечь?

В глубине сознания боролась за жизнь ещё одна мысль, но Стелла упорно не позволяла ей подняться на поверхность. Ни разу она не дала этой мысли полностью овладеть собой. Та принадлежала другой жизни, вынести которую оказалось слишком трудно. Напрасные сожаления и бесплодные желания — ничего этого ей не нужно. Она сама выбрала свою долю и будет ей верна.

Да, и свой долг она исполнит, чего бы это ни стоило. Ральф никогда не узнает, даже смутно не заподозрит. И тот, другой, тоже никогда не узнает. Для него всё было лишь мимолётным увлечением. Он шёл дорогой честолюбия, и ничему другому в его жизни не оставалось места. Если она и открыла ему своё сердце, то лишь на мгновение; он уже забыл об этом. Она была уверена, что забыл. Да она и сама хотела, чтобы он забыл.

Он действительно проник в её крепость, но пали только внешние укрепления. До внутренней цитадели он не добрался. Теперь туда не проникнет ни один мужчина — и уж конечно, совершенно точно не тот, кому она отдала себя. А никому другому такой возможности она не предоставит.

Нет, она в безопасности, в полной безопасности. Своё сердце она оберегает от всех. И пока оно надёжно спрятано, она не сможет страдать слишком сильно — так говорила она себе.

И всё же, когда чудесная музыка потока стала убаюкивать её, перед внутренним взором возникло знакомое лицо — смуглое, сильное, исполненное молчаливой решимости, — и никак не желало исчезать. Что он делает сегодня ночью? Не бродит ли по базарам в каком-нибудь переодевании, выведывая тайны загадочной туземной Индии, которая заманила его в свои сети?

Она попыталась представить себе эту скрытую сторону его жизни, но не смогла. Острые, пристальные глаза на спокойном, бесстрастном лице неотступно смотрели на неё, не оставляя места воображению. В одном она была уверена: других он мог ввести в заблуждение, но никакая хитрость не помогла бы ему обмануть её. Она узнала бы его мгновенно, под каким бы обликом он ни скрывался. Она была уверена, что узнала бы. Эти серьёзные, бесстрашные глаза непременно выдали бы его каждому, кто по-настоящему его знал.

Так текли её мысли в эту волшебную ночь, пока наконец не пришёл сон и видение не растаяло. Последним, что она ощутила, было воспоминание, внезапно проснувшееся и насмешливо напомнившее о себе: звук негромкого голоса, который она против воли снова услышала.

«Я ждал, — говорил голос, — когда придёт моя очередь».

С острой болью Стелла оттолкнула воспоминание — и уснула.

Глава VII. Змей в саду

— Ну, старый грешник! Послушаем, что у тебя за драгоценные сведения!

Ральф Дэйкр небрежно вышел на лунный свет и остановился перед оборванной фигурой своего посетителя.

Контраст между ними был почти фантастическим: высокомерие одного лишь подчёркивало униженность другого. Дэйкр был крупным, склонным к полноте мужчиной с румяным лицом английского помещика. Он двигался с развязной уверенностью представителя расы завоевателей.

Человек, пресмыкавшийся перед ним, — дрожащий, искалеченный, жалкий обломок человеческой жизни — казался существом из иного мира, из какого-то подземного царства причудливых созданий, полуслепыми ползавших среди теней.

В ответ на презрительные слова Дэйкра он снова низко поклонился, едва не коснувшись лбом земли.

— Его благороднейшее превосходительство соизволит явить милость, — пробормотал он. — Если он удостоит своего ничтожного слугу и последует за ним по козьей тропе, где никто не сможет подслушать, слуга передаст своё сообщение и удалится.

— А, так это сообщение? — С видом снисходительного презрения Дэйкр повернулся к указанной тропе. — Ну, веди! Только далеко я не пойду — даже за несметные богатства. И тратить на тебя много времени не намерен. У меня есть дела поважнее.

Старик тоже повернулся, подобострастно согнувшись.

— Совсем недалеко, благороднейший господин! — проскрипел он тонким, надтреснутым голосом. — Совсем недалеко!

Мучительно ковыляя, он начал подниматься впереди неспешно шагавшего англичанина. Узкая тропа круто вилась между густыми кустами, повторяя изгибы потока далеко внизу. Местами склон обрывался почти отвесно, и грохот воды, разбивавшейся о камни, становился громче. Тяжёлое благоухание цветущих азалий стояло повсюду, словно ладан, смешиваясь с ароматным дымом только что зажжённой Дэйкром сигары.

Засунув руки в карманы, он следовал за проводником широким, лёгким шагом. Подъём нисколько его не утомлял, а мучительная медлительность спутника вызывала на его губах улыбку презрительной жалости. На что рассчитывал старый мошенник, добиваясь этой встречи?

Они поднимались всё выше по узкой тропинке, пока наконец не достигли небольшой естественной площадки на выступе горного склона. Здесь оборванец остановился и обернулся.

Лунный свет падал на него прямо, выставляя напоказ каждую отталкивающую подробность его облика. Когда он поднял глаза, они сверкнули в красных воспалённых глазницах. Но он молчал, даже когда англичанин остановился рядом. Гул потока глубоко внизу походил на приглушённый рёв поезда в туннеле. Русло здесь было очень узким, течение — стремительным.

Минуту или две Дэйкр ждал, не вынимая сигары изо рта и глядя на сверкающие снежные вершины вдали. Но очарование гор быстро рассеялось: долго молчать было не в его характере.

Со своим обычным снисходительным смешком он повернулся и оглядел неподвижного спутника с головы до ног.

— Ну? Ты привёл меня сюда любоваться видом? Вид, конечно, прекрасный, но я обошёлся бы и без твоих услуг.

Небрежно брошенный вопрос остался без ответа. К сильному презрению Дэйкра примешалось слабое любопытство. Он вынул руку из кармана и показал несколько анн на ладони.

— Ну? Сколько же стоят твои драгоценные сведения?

Незнакомец резко шевельнулся, словно подавил внезапный порыв жестокого насилия. Он отступил на шаг — и там, в лунном свете, на глазах у надменного Дэйкра преобразился.

Глубоко вдохнув, он выпрямился во весь свой высокий рост. Скрюченные, исковерканные конечности стали гибкими и сильными. Раболепная покорность соскользнула с него, точно сброшенная одежда. Перед Ральфом Дэйкром стоял прямо и уверенно мужчина в расцвете сил.

— Это зависит от точки зрения, — сказал он. — Мне эти сведения стоили чертовски неудобного путешествия. Но вам, вероятно, придётся заплатить гораздо больше.

— Великий Юпитер! — выдохнул Дэйкр.

Он стоял и смотрел, не в силах отвести глаз. Краткая резкая речь, почти свирепое презрение во всём облике, абсолютная непоколебимая уверенность человека, которого он ещё мгновение назад так высокомерно попирал, потрясли его настолько, что он едва сохранил способность мыслить. Возможно, впервые в жизни он совершенно растерялся.

И пока он смотрел на стоявшего перед ним человека, память внезапно, словно ударом, вернула его к одному жаркому дню больше года назад. Тогда они с Эверардом Монком боролись в гимнастическом зале клуба на потеху небольшой толпе младших офицеров, азартно державших пари. Это было состязание силы мышц с тяжестью тела; после упорной борьбы мышцы победили. Дэйкр и теперь помнил неприятное чувство поражения, хотя нашёл в себе достаточно мужества, чтобы принять его по-мужски и подняться со смехом. То был один из редких случаев, когда его одолели.

Но теперь, этой ночью, он столкнулся с чем-то неизмеримо более серьёзным. Что собирался сказать этот человек с суровыми обвиняющими глазами и совершенно беспощадным видом? В сердце Дэйкра шевельнулось странное ощущение, словно неуверенная рука постучала, прося впустить её. Здесь было что-то неладно. Совсем неладно.

— Ты… сумасшедший! — наконец произнёс он и титаническим усилием овладел собой. — Что, ради всего святого, ты здесь делаешь?

От изумления он перекусил сигару и теперь отбросил её жестом возвращавшейся уверенности. Заглушив недоброе предчувствие, он без смущения встретил жёсткий взгляд противника.

— Что за игру ты затеял? Я так понимаю, хочешь мне что-то сообщить. Но какого дьявола нельзя было написать?

— Написанное слово не всегда достигает цели, — ответил другой.

Он резко поднял руку, откинул с лица спутанные волосы и отодвинул тяжёлые складки шали, обвивавшей голову. В лунном свете выступили худые загорелые черты — несомненно английские.

— Монк! — произнёс Дэйкр, словно проверяя догадку.

— Да, Монк, — мрачно подтвердил тот. — Мне стоило немалых трудов разыскать тебя здесь. Я не стал бы этого делать без крайне серьёзной причины.

— Так в чём же, чёрт побери, дело? — раздражённо потребовал Дэйкр, сознавая своё невыгодное положение. — Хочешь знать моё мнение? Такое вторжение в столь неподходящий момент — чертовская бесцеремонность. Но если у тебя есть приличное оправдание, выкладывай!

Прежде он никогда не разговаривал с Монком таким тоном. Но его грубо выбили из привычного самодовольного равновесия, и присутствие Монка возмущало его. К тому же он начал испытывать неприятное чувство собственного бессилия. В Монке было что-то судейское — неумолимое, осуждающее, пробуждавшее в Дэйкре все инстинкты самозащиты.

Однако Монк встретил его шумное требование с полнейшим спокойствием. Казалось, он уже стиснул противника железной хваткой решимости, из которой не могли вырвать его никакие, даже отчаянные усилия.

Из складок оборванного одеяния он вынул конверт.

— Кажется, ты слышал, как я говорил о моём брате Бернарде, капеллане Чартхерстской тюрьмы.

Дэйкр кивнул.

— О том самом, который каждый месяц тебе пишет. Ну и что?

Твёрдыми пальцами Монк извлёк письмо и развернул его.

— Лучше прочитай сам, — сказал он, протягивая листок.

Но Дэйкр почему-то отступил, словно не желал к нему прикасаться.

— Не можешь просто сказать, из-за чего весь этот шум? — раздражённо спросил он.

Рука Монка оставалась неподвижно протянутой. В голосе прозвучала резкая, режущая нота:

— О да, могу. Но лучше тебе и самому прочитать. Это касается тебя самым непосредственным образом. Письмо написано в Чартхерстской тюрьме почти шесть недель назад. Там отбывает наказание за подлог женщина, называющая себя твоей женой.

— Проклятье!

Ральф Дэйкр пошатнулся, словно получил удар между глаз. Но почти тотчас овладел собой и нервно рассмеялся.

— Послушай, неужели ты настолько глуп, чтобы поверить в такую небылицу? И ради этого ты проделал весь путь, нарядившись в маскарадный костюм? Ты просто спятил!

Монк по-прежнему протягивал письмо.

— Лучше прочитай сам, — повторил он. — Там чертовски убедительные подробности.

— Говорю тебе, это наглая ложь! — яростно выкрикнул Дэйкр. — Нет на земле женщины, которая имела бы на меня какие-нибудь права, кроме Стеллы! Зачем мне это читать? Я говорю, всё выдумано от начала до конца — отвратительная, подлая клевета!

— Значит, ты отрицаешь, что когда-либо прежде проходил через какую бы то ни было церемонию бракосочетания? — медленно спросил Монк.

— Разумеется, отрицаю! — Дэйкр снова зло рассмеялся. — Нужно быть полным идиотом, чтобы такое вообразить! Это нелепо, немыслимо! Конечно, прежде я никогда не был женат. Что тебе взбрело в голову?

Монк не шелохнулся.

— Она была актрисой мюзик-холла. Её зовут — или звали — Маделина Бельвиль. Ты утверждаешь, что никогда не имел с ней никаких дел?

Дэйкр опять рассмеялся — яростно и насмешливо.

— Ты же не думаешь, что я мог жениться на женщине такого сорта?

— Это не ответ на мой вопрос, — твёрдо сказал Монк.

— Да будь ты проклят! — Дэйкр вспыхнул открытой яростью. — Кто ты, чёрт возьми, такой, чтобы лезть в мои личные дела? Думаешь, я стану терпеть твою проклятую наглость? Ну?

— Думаю, придётся.

Монк говорил тихо, но в его словах звучала смертельная решимость.

— Тебе предстоит выбрать меньшее из двух зол. Если ты умен, выберешь меньшее. Ты намерен читать письмо?

Минуту или две Дэйкр смотрел на него глазами, потемневшими от злобы. Но наконец протянул не вполне твёрдую руку и взял листок. Монк стоял рядом совершенно неподвижно, глядя через долину с неослабевающей настороженностью, в которой было что-то роковое.

Проходили минуты. Казалось, Дэйкр не мог оторвать глаз от страницы. Бумага трепетала в его руке, хотя ночь была безветренной, словно вокруг бушевал сильный ветер.

Вдруг он встрепенулся, точно с яростью разорвал сковывавшие его чары. Выругавшись, он в бешенстве изорвал письмо на клочки, бросил их на землю и растоптал.

— Десять миллионов проклятий на её голову! — бушевал он. — Она всю жизнь была моим проклятием!

Монк перевёл взгляд с далёких гор на Дэйкра. В его холодном любопытстве было нечто странное.

— Я так и думал, — произнёс он с интонацией человека, удерживающего смешок при неуместной шутке.

Дэйкр снова топнул ногой, точно разъярённый бык.

— Попадись она мне сейчас — задушил бы! — поклялся он. — Твой брат настоящий художник. Он нарисовал её как живую — эту дьяволицу!

Голос его сорвался. Он дышал как человек, которого пытают, и покачивался на ногах.

А Монк оставался всё таким же неподвижным, суровым, холодным и непреклонным.

— Как давно ты на ней женился? — наконец спросил он.

— Я говорю, что никогда на ней не женился!

Дэйкр отчаянно пытался вернуть утраченную почву, но зашёл уже слишком далеко.

— Эту ложь я от тебя уже слышал, — ровным, судейским тоном заметил Монк. — Стоит ли повторять?

Дэйкр свирепо посмотрел на него, но то был взгляд загнанного в ловушку, беспомощного зверя. Он был побеждён и знал это.

Монк спокойно продолжил:

— Почти нет сомнений, что у неё есть доказательства брака. Вероятно, она попытается предъявить их, как только выйдет на свободу.

— Больше она ничего от меня не получит, — угрюмо произнёс Дэйкр.

В поведении другого было нечто, усмирявшее его ярость, делавшее её бесплодной и даже в какой-то степени смешной.

— Я думаю не о тебе, — сказал Монк с почти жестокой холодностью. — Ты не единственный, кого это касается. Но факт остаётся фактом: эта женщина — твоя жена. Раз уж я всё знаю, можешь с таким же успехом сказать правду.

Дэйкр сердито дёрнул головой, точно бык, но подчинился.

— Ну ладно, раз уж тебе так необходимо, полагаю, когда-то она ею была. Она поймала меня, когда я был двадцатиоднолетним мальчишкой. Уже тогда она была дрянью, и я быстро это понял. Я мог бы развестись с ней десяток раз, но брак был тайным, и я не хотел, чтобы мои родные узнали. Последнее известие о ней было таким: её имя значилось среди утонувших при крушении лайнера, шедшего в Америку. Это случилось лет шесть назад, а то и больше. Я был счастлив, что избавился от неё. Считал её смерть одной из величайших удач в жизни. А теперь — будь она проклята! — яростно закончил он. — Она снова воскресла!

С этими словами он взглянул на Монка, почти словно ища сочувствия. Но лицо Монка оставалось непроницаемой маской. Он не произнёс ни слова.

Через мгновение Дэйкр продолжил:

— С тех пор как мы расстались, прожив вместе всего шесть недель, я считал себя свободным. Любой мужчина считал бы так же. Это было просто мимолётное увлечение. Бог знает, почему я оказался таким дураком и женился на ней, разве что в те дни у меня были возвышенные представления о чести, вот я и попался. Она никогда не считала наш брак обязательством — так какого же чёрта должен был считать его таковым я?

Он говорил с негодованием человека, имеющего все основания жаловаться.

— С тех пор твои представления о чести несколько изменились, — с горьким цинизмом заметил Монк.

Дэйкр слегка поморщился.

— Я не претендую на исключительность. Но утверждаю, что брак не даёт женщине права разрушить жизнь мужчины. Сейчас у неё на меня не больше прав, чем у человека на Луне. Если она попытается заявить о них, быстро убедится в своей ошибке.

Он понемногу приходил в себя, и в голосе уже слышался отголосок привычного самодовольства.

— Впрочем, нет причин думать, что она станет это делать, — прибавил он. — Она прекрасно знает, что ничего не выиграет. Твой брат, похоже, имеет лишь смутное представление об этом деле. Напиши ему, что Дэйкр, которого он имеет в виду, умер. А твой сослуживец принадлежит к другой ветви семьи. Это должно всех удовлетворить, и никакого особенного вреда не будет, верно?

Последнее слово он произнёс с осторожной, обезоруживающей улыбкой. Он не вполне был уверен в своём собеседнике, но ему казалось, что даже Монк должен понимать полную бессмысленность скандала на нынешней стадии. Дело зашло так далеко, что оставался лишь один выход: молчание с его стороны и одна-две благоразумные лжи со стороны Монка. Он не видел, как тот мог бы отказать ему в столь незначительной услуге. Ведь, как он сам только что заметил, дело касалось не одного Дэйкра.

Но абсолютное, бескомпромиссное молчание, встретившее его непринуждённое предложение, тревожило. Дэйкр поспешил нарушить его, догадываясь, что чем дольше оно продлится, тем меньше шансов на благоприятный исход.

— Ну послушай! — дружелюбно настаивал он. — Неужели ты откажешь в такой малости товарищу, попавшему в беду? Я сделал бы для тебя то же самое и даже больше. И помни: на весах не только моё счастье! Мы должны подумать о… Стелле!

При этом имени Монк резко, почти яростно шевельнулся. Но когда заговорил, его голос оставался размеренным, каждое слово звучало отчётливо и остро.

— Да. И её честь, по-видимому, стоит для тебя примерно столько же, сколько собственная! Я думаю о ней — и только о ней. И, насколько я вижу, выход один.

— Вот как! — Полушутливая убедительность Дэйкра мгновенно сменилась наглостью. — И осуществить его должен я? Покорный слуга к вашим услугам!

Монк вытянул жилистую руку и медленно сжал кулак перед его глазами.

— Да, осуществишь именно ты, — сказал он. — Я держу тебя вот так.

Дэйкр невольно вздрогнул.

— Что ты хочешь сказать? Ты ведь не станешь такой… такой подлой собакой, чтобы выдать меня?

Монк издал звук, слишком полный горечи, чтобы назвать его смехом.

— Ты такая несусветная сволочь, что мне совершенно безразлично, отправишься ли ты к дьяволу. Меня заботит только одно: как защитить честь женщины, которой ты посмел рискнуть, как спасти её от публичного позора. Это будет нелегко, но возможно. И это будет сделано. А теперь слушай!

Голос его внезапно зазвенел жёстко, почти металлически.

— Если мы хотим скрыть от неё правду — а мы обязаны её скрыть, и скроем, — ты должен исчезнуть. Пропасть бесследно. Для неё ты должен умереть этой ночью.

— Я? — Дэйкр уставился на него с потрясённым недоверием. — Ты сошёл с ума?

— Нет.

Ответ прозвучал остро, как обнажённая сталь. Невозмутимость Монка исчезла. Лицо его потемнело от страсти; весь его облик выражал беспощадную решимость добиться своего.

— Но если ты воображаешь, что её безопасность можно обеспечить без жертвы, ты ошибаешься. Думаешь, я стану спокойно смотреть, как невинную женщину тащат вниз, до твоего скотского уровня? Как, по-твоему, она сама отнеслась бы к такому положению? Что сделала бы, если бы узнала? Я уверен, она покончила бы с собой.

— Но ей незачем узнавать! Она никогда не узнает! — В голосе Дэйкра прозвучало отчаяние. — Нужно только замять дело, и всё само собой забудется. Эта дьяволица не потрудится ехать за мной сюда. Зачем ей? Она отлично знает, что не имеет на меня никаких прав. Стелла — единственная женщина, у которой теперь есть на меня права.

— Ты прав, — мрачно подхватил Монк. — И её право — право порядочной женщины на порядочное обращение. Насколько это зависит от тебя и меня, она его получит. Вот почему ты сделаешь то, что я сказал: исчезнешь этой ночью, навсегда уйдёшь из её жизни и позволишь ей считать тебя мёртвым. Тогда я ручаюсь, что правда до неё никогда не дойдёт. Она будет в безопасности. Но промежуточного решения нет. Я не допущу, чтобы ей грозила проклятая опасность оказаться брошенной и опозоренной.

Он умолк. В лунном свете их взгляды встретились, как взгляды людей, сцепившихся в смертельной схватке.

Молчание между ними было страшнее слов. В нём таилось нечто невыразимое.

Наконец Дэйкр заговорил низким, хриплым голосом:

— Я не могу. Слишком многое поставлено на карту. И к тому же это ничем не поможет. Она всё равно неизбежно узнает.

— Она никогда не узнает, — неумолимо прозвучал ответ. — Что касается способов, я обо всём позаботился. В этой глуши скрыть твои следы нетрудно. Когда разнесётся весть о твоей смерти, никто не станет тебя искать.

Дэйкра передёрнула сильная дрожь. Он сжал кулаки. Он был словно человек перед своим палачом. Парализующие чары снова сковали его, стягивая шею подобно верёвке. Но жертвенность была чужда его натуре. С отчаянием в сердце он предпринял последнюю попытку вырваться.

— Всё это чудовищно! — сказал он. — Об этом не может быть и речи. Я отказываюсь. Дело зашло слишком далеко. По существу Стелла — моя жена, и будь я проклят, если позволю кому-нибудь встать между нами. Делай что хочешь! Я отказываюсь.

Неповиновение было его единственным оружием, и он бросил его в бой изо всех сил. Но едва произнёс эти слова, как понял безнадёжность попытки. Монк сделал одно стремительное движение, и лунный свет блеснул на отполированном дуле армейского револьвера. Он заговорил коротко, с ледяной твёрдостью:

— Выбор за тобой. Только если ты откажешься предоставить ей убежище вдовства — это сделаю я. В конце концов, для всех заинтересованных это был бы самый безопасный способ.

Дэйкр отступил на шаг.

— Собираешься меня убить, а?

Зубы Монка блеснули в страшной улыбке.

— Можешь и не отказываться, — сказал он.

— Верно! — Дэйкр смотрел ему прямо в глаза, скорее с любопытством, чем со страхом. — И, как ты предусмотрел, при таких обстоятельствах я не откажусь. Ты сэкономил бы время, если бы сразу изложил дело в таком свете.

— Сэкономил бы. Но я надеялся, что у тебя хватит порядочности поступить как следует без… убеждения.

Монк говорил сквозь зубы, но револьвер уже снова исчез в складках его одежды.

— Ты уйдёшь сегодня ночью. Сейчас же. И больше с ней не увидишься. Это понятно?

Борьба закончилась. Дэйкр не пытался сопротивляться. Он был не из тех, кто тратит силы на дело, заведомо обречённое на провал. К тому же в Монке сейчас ощущалась сила, которая сдерживала его и невольно внушала уважение. Дэйкр ненавидел этого человека за одержанную над ним победу, но не мог его презирать. Он понимал: Монк действовал из непреклонного чувства чести и того рыцарства, которое всегда сопутствует чести, — рыцарства, в котором ни одна женщина не заподозрила бы его.

Дэйкр твёрдо верил, что Монк относится к любой женщине исключительно бескорыстно, и, вероятно, именно эта уверенность ещё больше укрепляла власть Монка над ним. То, что он так сражался ради одного лишь принципа, было для Дэйкра непостижимо, но производило несравненно большее впечатление, чем защита, продиктованная личными чувствами. Монк был единственным среди его знакомых мужчиной, никогда не проявлявшим ни малейшего желания соперничать за женскую благосклонность и вообще не обнаруживавшим интереса к женским чарам. Поэтому его внезапно проявленная власть казалась неоспоримой. Уступая превосходящей силе, Дэйкр подчинялся скорее нравственному авторитету, чем физическому принуждению. И хотя его вынудили к этому против воли, он уважал силу, заставившую его уступить. Безмолвный жест согласия выразил это, когда он отвернулся, прекращая борьбу.

Он упорно сражался и потерпел поражение. Это было горько, но, в конце концов, своё он уже получил. Первый горячий восторг начал проходить. Любовь в дикой глуши не могла длиться вечно. Она была слишком пылкой, чтобы оказаться долговечной. И, вполне в своём духе, он подумал, что холодная красота Стеллы всё равно недолго удерживала бы его. Ему нравилось нечто более страстное, более живое. К тому же его натура требовала известной доли поклонения со стороны предмета желания, а здесь этого явно недоставало. Стелла, по-видимому, умела скорее принимать, чем отдавать, и временами это слегка раздражало его. Ему казалось, что она в самой своей основе неспособна на глубокое чувство. Хотя пока это не сказывалось на их отношениях, он смутно сознавал, что именно поэтому она не удержит его навсегда. Так что, когда первое потрясение пройдёт, он найдёт утешение. Конечно, он не станет разбивать себе сердце из-за неё или какой-либо другой женщины, да и не льстил себя надеждой, будто она разобьёт своё сердце из-за него.

А пока он приготовился философски пожать плечами перед неизбежностью. Всё могло сложиться гораздо хуже. И, возможно, в общем и целом безопаснее было повиноваться приказу Монка и уйти. Открытый скандал оказался бы для него куда хуже, чем для Стеллы, которой почти нечего терять; и кто знает, что могло произойти, если бы он рискнул остаться. Он решительно не желал когда-нибудь в будущем лично выяснять отношения с той дьяволицей, что была проклятием всей его жизни. Такой исход казался маловероятным, но возможность несомненно существовала, а он терпеть не мог неприятностей любого рода. Поэтому он философски решил примириться с этим бременем. В его крови жила жилка авантюриста, и он безмерно верил в свою неизменную удачу. Фортуна могла на время нахмуриться, но он знал, что всё равно остаётся её любимцем. И очень скоро она снова улыбнётся.

Но к Монку он испытывал только горькую ненависть побеждённого. Он бросил на него злобный взгляд странно прищуренных глаз — оценивающий, пытливый взгляд человека, который измерил силу противника, признал её непогрешимость и возненавидел за это.

— Интересно, что стало со змеем, — сказал он, — когда мужчину и женщину изгнали из сада?

Монк уже поправил свой маскарадный наряд. Он посмотрел в ответ непостижимыми, загадочными глазами; его смуглое лицо было непроницаемо, словно маска. Но не произнёс ни слова. Он уже сказал всё, что хотел. Теперь снова укутался в свою сдержанность, как в плащ, словно человек, возобновляющий одинокое странствие по пустыне, которую всю жизнь проходил в одиночестве.

Глава VIII. Запретный рай

Позднее, вспоминая ту роковую ночь, Стелла думала, что действительно проспала её сном человека, вкусившего лотоса: ни одно дурное предчувствие не проникло сквозь оцепенение, державшее её в тихие ночные часы. Она лежала словно в трансе, совершенно не сознавая, что осталась одна, и слышала лишь непрерывный шум потока, который стремительно нёсся и обрушивался на камни внизу. Казалось, этот звук действовал на её сознание как наркотик.

Когда она наконец проснулась, вокруг уже стоял ясный день, а над грохотом воды поднимался гул голосов, похожий на жужжание пчелиного роя. Некоторое время она лежала, прислушиваясь и лениво удивляясь, почему носильщики решили завтракать гораздо ближе к палатке, чем обычно. И вдруг раздался крик — такой страшный, что, казалось, пронзил её насквозь, мгновенно пробудив от тяжёлой дремоты.

Секунду-другую она лежала окаменев, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, напрягая слух до боли. Кто издал этот ужасный вопль? Что он означал? Потом силы вернулись к ней; она приподнялась и поняла, что одна. Походная кровать рядом пустовала. К ней даже не прикасались. Безымянный ледяной страх охватил Стеллу. Ей показалось, что само сердце застыло.

Дрожа, она схватила накидку и прокралась ко входу в палатку. Полог оставался незастёгнутым — именно так, как оставил его муж накануне вечером. Трясущимися пальцами она отодвинула ткань и выглянула наружу.

Громкий говор стих до испуганного шёпота. На открытом месте перед палаткой сбились в кучку носильщики, похожие на стаю обезьян, собравшихся обсудить какое-то чрезвычайно важное дело.

Чуть поодаль, скорчившись и нелепо вывернув конечности, сидел чернобородый нищий, чья настойчивость накануне вечером увела Ральфа от неё. Его глубоко запавшие глаза с красными ободками смотрели прямо на восходящее солнце — неподвижно, словно глаза мертвеца. В них не было ни проблеска выражения, и Стелла решила, что он, должно быть, слеп. В его отрешённости было что-то роковое и страшное. Казалось, его окружает невидимый круг, переступить который никто не смеет.

А совсем рядом — так близко, что Стелла могла бы коснуться его головы в тюрбане, не сходя с места, — на мягкой зелёной земле сидел огромный сикх, её слуга Пётр. Он сжался в комок и раскачивался взад-вперёд, точно ребёнок, с которым случилась беда. С первого взгляда она поняла: тот мучительный вопль издал именно он.

К нему она и обратилась — единственному человеку, которому могла довериться среди этой странной картины.

— Пётр, — сказала она, — что случилось? Что произошло? Где… где капитан-сахиб?

Услышав её голос над собой, он резко вздрогнул, затем одним быстрым бесшумным движением поднялся и склонился перед ней.

— Пусть мем-сахиб простит своего слугу, — произнёс он. Стелла увидела, что его смуглое лицо искажено горем. — Но сегодня для неё дурные вести. Капитан-сахиб ушёл.

— Ушёл! — повторила Стелла, не понимая смысла слова, словно оно было произнесено на незнакомом языке.

Пётр опустил глаза перед её широко раскрытым, вопрошающим взглядом.

— Мем-сахиб, это случилось в ночной тишине, — почти шёпотом ответил он. — Капитан-сахиб уснул на горе, и во сне упал… а поток унёс его.

— Унёс! — снова бездумно повторила она. Внезапно её охватили слабость и тошнота.

Пётр протянул руку в сторону непостижимого незнакомца.

— Этот человек, мем-сахиб, — благоговейно сказал он, — святой. Когда он молился на вершине горы, то увидел, как сахиб, погружённый в глубокий сон, упал с камня вперёд, словно

кто-то коснулся его рукой. Святой спустился и стал искать его, мем-сахиб, но тот исчез. Снега тают, и вода теперь быстрая и глубокая.

— Ах! — Это был скорее судорожный вздох, чем восклицание. Стелла слепо пошатнулась к растяжке палатки, пытаясь нащупать опору.

Огромный сикх подхватил её прежде, чем она упала. Его собственное горе в одно мгновение отступило перед необходимостью помочь ей.

— Обопритесь на меня, мем-сахиб! — сказал он, и в голосе его смешались почтительность и преданность.

Она машинально приняла помощь, едва сознавая свои действия. Очень бережно, с женской нежностью, Пётр отвёл её обратно в палатку.

— Моей мем-сахиб нужно отдохнуть, — сказал он. — А я найду женщину, которая будет ей прислуживать.

Она подняла на него глаза, испытывая странное головокружительное удивление. Прежде Петру всегда удавалось достать всё, чего она желала. И даже теперь, в такую минуту, в её сознании мелькнул нелепый вопрос: где посреди этой глуши он собирается раздобыть женщину, о которой говорит с такой уверенностью?

Но боль вернулась, и Стелла остановила его, когда он собрался уходить.

— Нет, нет, Пётр, — сказала она, с трудом заставляя голос повиноваться. — Не нужно. Со мной всё в порядке. Но… но расскажи ещё! Как это случилось? Почему он спал на горе?

— Откуда слуге мем-сахиб знать? — мягко и почтительно спросил Пётр, словно терпеливо рассуждал с ребёнком. — Быть может, опиум в его сигаре оказался крепче обычного. Но как мне знать?

— Опиум! Он никогда не курил опиум! — Стелла в новом изумлении уставилась на него. — Не может быть… конечно, не может! — произнесла она, словно стараясь убедить саму себя.

— Мем-сахиб, откуда мне знать? — успокаивающе пробормотал индиец.

Вдруг она поняла, что больше не в силах бездействовать. Ей необходимо самой увидеть всё. Необходимо узнать всю ужасную правду. Хотя она дрожала с головы до ног, голос её прозвучал решительно:

— Пётр, выйди и подожди меня! И задержи того старого нищего! Не отпускай его! Как только я оденусь, мы пойдём туда… на то место… и будем его искать.

На последних словах голос её запнулся, но она мужественно договорила. Пётр выпрямился, услышав приказ. Низко поклонившись, он вышел и чинно опустил за собой полог палатки.

Тогда Стелла принялась одеваться с лихорадочной поспешностью. Руки её двигались молниеносно, хотя всё тело казалось странно тяжёлым и чужим. В мозгу мелькнула фантастическая мысль: будто она готовится к собственным похоронам.

Снаружи не доносилось ни звука, кроме однообразного бесконечного грохота потока, разбивавшегося о валуны. Ей уже начинало казаться, что в этом шуме звучит какое-то проклятие.

Наконец она была готова. Несколько секунд Стелла стояла, собираясь с силами. Её по-прежнему мутило и кружилась голова, словно привычный мир внезапно провалился из-под ног, оставив её беспомощно барахтаться в непостижимой пустоте, точно пловца на глубокой воде. Но она справилась со слабостью, снова отодвинула полог и вышла наружу.

Утреннее солнце ударило ей прямо в лицо. Казалось, вся земля устремилась навстречу, ликуя и торжествуя. Но Стелла словно находилась вне этого мира, по ту сторону его радости. Солнечное сияние не могло до неё добраться.

С острым отвращением она увидела рядом скорчившегося уродца: его голова, закутанная в шаль, покоилась на коленях. При её появлении он не пошевелился, хотя Стелла была убеждена, что он знает о ней — и, вероятно, обо всём, что происходит в значительном ради-

усе вокруг его жалкой фигуры. Его тёмное, грязное, изборождённое морщинами лицо наполовину скрывали клочья чёрных волос, спускавшиеся на впалую грудь длинной тонкой прядью, словно козлиная бородка. Он всё так же смотрел на восток, словно бросал вызов солнцу, стремительно пересекавшему небеса, точно с пылающим мечом в руке. Сравнение возникло у неё невольно. Где она окажется — что с ней случится — к тому времени, когда этот меч будет вложен в ножны?

Она подавила отвращение и приблизилась к незнакомцу. В тот же миг Пётр бесшумно возник рядом, как верный сторожевой пёс, и занял место по правую руку от неё. Именно такое место ему предстояло занимать и в грядущие дни.

В одном-двух шагах от сгорбленной фигуры Стелла остановилась. Человек не двигался. Казалось, он так глубоко погрузился в размышления, что её присутствие значило для него не больше, чем присутствие насекомого, ползущего по тропе. Его глаза, обведённые красным и поразительно яркие, по-прежнему вызывающе встречали наступающий день. Всё выражение его лица было таким мрачно-отрешённым, таким сурово-бесчувственным, что она не решилась его потревожить.

Пётр почтительно пришёл ей на помощь.

— Позволено ли мне заговорить с ним, мем-сахиб? — спросил он.

Она с благодарностью повернулась к нему.

— Да, скажи ему, чего я хочу!

Пётр встал перед незнакомцем.

— Благородная госпожа желает твоей помощи, — сказал он. — Её милостивое превосходительство ожидает.

По скорченной фигуре пробежала дрожь. Казалось, человек проснулся и его мысли вернулись откуда-то из бесконечной дали. Он повернул голову, и Стелла увидела, что он не слеп. Его глаза остановились на ней, на мгновение внимательно оценивая. Затем неуклюжими, черепашьими движениями он поднялся.

— Я слуга её превосходительства, — произнёс он глухим, дрожащим голосом. — Я готов жить или умереть по её милостивейшему повелению.

Слова звучали униженно, но от его голоса Стеллу передёрнуло. Всё её существо восставало против необходимости разговаривать с этим человеком. И всё же она заставила себя продолжить. Только это чудовищное, полузвериное создание могло рассказать ей подробности ужасного происшествия минувшей ночью. Если Ральф действительно умер, именно этот человек видел его последним живым.

С огромным усилием она подавила неприязнь и обратилась к нему:

— Я хочу, чтобы вы отвели меня туда, откуда, по вашим словам, он упал. Я должна увидеть всё сама.

Незнакомец согнулся перед ней почти до земли.

— Пусть милостивая госпожа следует за своим слугой! — сказал он, затем выпрямился и, прихрамывая, двинулся прочь.

Она последовала за ним в полном молчании; Пётр шёл по правую руку. По крутой козьей тропе, по которой Дэйкр накануне так высокомерно поднимался вслед за хромым проводником, они медленно двигались молчаливой процессией. Стелла шла словно во власти страшного сна. К ней вернулось то одурманенное состояние, ощущение колдовских чар, и теперь она знала: чары эти были злыми. Раз или два сознание слегка прояснялось, когда Пётр молча предлагал помощь; она благодарила его и опиралась на него, почти не понимая, что делает. Но большую часть пути оставалась в ужасном оцепенении — безвольной, словно вокруг неё всё туже затягивались сети безжалостной Судьбы. Спасения не было. Она знала, что спасения быть не может. Её застали в запретном раю, куда она проникла без права, и теперь должны были безжалостно изгнать.

Высоко на уступе голой скалы их проводник остановился и стал ждать — оборванная, нелепая фигура на фоне чистоты нового дня. Раннее солнце едва поднялось над высочайшими горами, но между двумя могучими вершинами зиял широкий просвет, открывавший его лучи. Стелла сделала ещё несколько шагов и внезапно оказалась посреди великолепия утра.

Это подействовало на неё странно. Ей показалось, что именно так должен был чувствовать себя Моисей, когда ему открылась Слава Божья. Сияние было невыносимым. Оно словно пронзало её насквозь. Она не могла на него смотреть.

— Ваше превосходительство, — сказал незнакомец, — это было здесь.

Она подошла и встала рядом с ним. Дрожа, голосом, который сама едва узнавала, произнесла:

— Вы были с ним. Вы привели его сюда.

Незнакомец сделал жест, словно отвергая всякую ответственность.

— Я, ваше превосходительство, слуга Святых, — сказал он. — У меня было для него послание. Я знал, что Святые разгневаны. Было предначертано, что белый сахиб не должен ступать на священную землю. Я предупредил его, ваше превосходительство, а затем ушёл. И вот Святые исполнили над ним свою волю — и он исчез.

Стелла заворожённо смотрела на него. Уверенность, с которой он говорил, почему-то не оставляла места сомнениям.

— Он сумасшедший, — пробормотала она, обращаясь наполовину к себе, наполовину к Петру. — Конечно, сумасшедший.

Затем, словно невидимая рука коснулась и её, Стелла шагнула к краю обрыва и посмотрела вниз.

Грохот потока вздымался к ней, словно шум множества голосов, которые звали её, звали без конца. Пропасть под ногами разверзлась широкой бездной, готовой её поглотить. С мучительным ужасом она представила себе то страшное стремительное падение: из тёплой, трепещущей жизни на заколдованной высоте — к мгновенной, чудовищной гибели среди зелёных, скользких валунов, через которые далеко внизу непрерывно неслась с рёвом вода. Здесь сидел её надменный возлюбленный, и от сонного наслаждения соскользнул в эту ужасную пропасть. У самых её ног лежало неопровержимое подтверждение услышанного рассказа — обугленный обломок сигары, которая, несомненно, была у него во рту, когда он погрузился в роковой сон. В памяти вспыхнули слова Петра. Он курил опиум. Она подумала, знал ли Пётр это наверняка. Но какая теперь польза в догадках? Ральф исчез, и только этот безумный туземный бродяга видел его исчезновение.

И тут новая мысль, острая как кинжал, пронзила её, разрывая живую ткань души. То, как появился этот человек, ужас, который он внушал, окружавшая его тайна — всё соединилось и вонзило подозрение прямо в сердце. А что, если чья-то рука действительно коснулась Ральфа? Что, если предательский удар сбросил его с этого страшного края?

Она обернулась, чтобы снова взглянуть на незнакомца, но тот уже отошёл. Рядом оставался лишь индийский слуга, внимательно следивший за каждым её движением тёмными глазами, полными тревожной заботы.

Встретив её отчаянный взгляд, он придвинулся ближе, словно верный пёс, готовый защищать свою хозяйку.

— Уйдёмте отсюда, моя мем-сахиб! — настойчиво взмолился он. — Это Врата Смерти.

Эти слова ранили её вновь. Одиночество и отчаяние обрушились на неё сокрушительной волной. С громким криком она повернулась, широко раскинула руки навстречу взошедшему солнцу и, слепо пошатываясь, двинулась к пустоте, разверзшейся под ногами. И сквозь собственный крик слышала рёв потока, низвергавшегося через мрачные валуны к великой реке, по которой они вдвоём когда-то плыли в зачарованном сне — бесконечно, бесконечно давно…

Она ничего не знала о сильных жилистых руках, удержавших её от смерти, хотя яростно и отчаянно с ними боролась. Не слышала жалобных мольб измученного Петра, который оттаскивал её назад, всё дальше и дальше от страшной глубины. Она ощущала лишь великое смятение, казавшееся бесконечным, — ужасную борьбу с непрерывно возраставшей силой. А затем на неё обрушилась кружащаяся, бездонная тьма, словно подхваченное ветром покрывало, окутала её и уничтожила всё вокруг…

И издали за ними следили английские глаза — зоркие, серые, суровые. Они молча смотрели, как индиец уносит прочь свою потерявшую сознание мем-сахиб.

Часть II
Глава I. Ангел-хранитель

— И что же мне теперь делать? — капризно потребовала ответа миссис Эрмстед.

Она развалилась в самом удобном кресле гостиной миссис Ролстон, держа между пальцами сигарету. Её тонкие брови были решительно нахмурены.

— Понятия не имела, что вы способны на такое непостоянство, — добавила она.

— Дорогая моя, я буду рада видеть вас здесь точно так же, как всегда, — заверила её миссис Ролстон, не отрывая глаз от муслинового платьица, над которым усердно работала иглой.

Миссис Эрмстед надула губы.

— Возможно. Но когда здесь поселится она, я стану бывать у вас гораздо реже. Терпеть не могу вдов. Они либо так печальны, что нагоняют тоску, либо так важничают, что хочется дать им пощёчину. Вы ведь знаете, эта девушка мне никогда не нравилась. Слишком уж высокомерна, слишком много о себе воображает.

— Вы ведь совсем её не знаете, дорогая, — сказала миссис Ролстон.

В смехе миссис Эрмстед послышалась ядовитая нотка.

— Как я уже не раз пыталась вам объяснить, — сказала она, — на каждого человека можно посмотреть по меньшей мере с двух сторон. А вы, дорогая миссис Ролстон, вечно смотрите на мир сквозь розовые очки. К несчастью, из-за этого ваше мнение неизменно благоприятно, и потому никто его не ценит.

Поблёкшее лицо миссис Ролстон слегка порозовело. Она молча продолжала шить.

Некоторое время Нетта Эрмстед курила, устремив взгляд в пустоту. Потом совершенно неожиданно заговорила снова:

— Интересно, не покончил ли Ральф Дэйкр с собой?

Миссис Ролстон вздрогнула от этого внезапного предположения и впервые подняла голову.

— Право, дорогая! Какая необыкновенная мысль!

Маленькая миссис Эрмстед вызывающе вскинула подбородок.

— А почему, собственно, необыкновенная? Ничего необыкновеннее его смерти и представить нельзя. Либо он сам прыгнул с обрыва, либо она столкнула его, когда он отвернулся. Интересно, что из этого?

Тут миссис Ролстон серьёзно поднялась и сделала ей выговор. В обращении с этой непостоянной подругой она никогда не испытывала робости.

— Такие разговоры не просто глупы, — решительно сказала она. — Они дурны. Я не намерена сидеть и слушать подобное. У вас очень озорное воображение, Нетта. Вам следовало бы лучше его обуздывать.

Миссис Эрмстед вытянула перед собой изящные ноги и состроила гримаску.

— Когда вы называете меня Неттой, я всегда понимаю, что дело становится серьёзным, — заметила она. — Беру все свои слова назад, мой дорогой ангел, и делаю это с величайшей щедростью. Вот увидите, как великодушна я могу быть к той, что вытеснила меня из вашего сердца. Но, добрая душа, закончите, пожалуйста, эти надоедливые складочки, прежде чем начнёте сердиться на меня всерьёз! Бедняжке Тессе очень нужно это платье, а няня-индуска шьёт просто отвратительно. Когда здесь поселится достопочтенная миссис Дэйкр, мне уже не удастся обращаться к вам ни за какой помощью. Придётся искать общества и советов у миссис Бёртон — и я стану ещё язвительнее прежнего.

— Дорогая, прошу вас, — очень серьёзно произнесла миссис Ролстон, — не думайте ни на мгновение, будто забота об этой несчастной девушке хоть сколько-нибудь изменит мою

дружбу к вам! Надеюсь видеть вас и маленькую Тессу так же часто, как прежде. Мне кажется, Стелла любит детей. Ваша малышка могла бы утешить любое страдающее сердце.

— Она бывает сущим маленьким дьяволёнком, — беспристрастно заметила мать Тессы. — Но ведь это лучше, чем быть святой, правда? Взгляните на этого отвратительного ребёнка, Седрика Бёртона, — гадкий маленький обезьян! Самодовольство Бёртонов действует мне на нервы, особенно когда оно проявляется у ребёнка. Но посмотрите на самих Бёртонов! Разве у них могли родиться другие дети, кроме ужасных самоуверенных обезьянок?

— Дорогая моя, ваш язык… ваш язык! — запротестовала миссис Ролстон.

Миссис Эрмстед с дерзкой улыбкой высунула язык и тут же спрятала.

— А что с ним не так? Он совершенно откровенен, как и ваш собственный. Пожалуй, немного острее и временами несколько ядовит. Но и у него есть достоинства. По крайней мере, он никогда не бывает неискренним.

— В этом я уверена, — с неизменной добротой отозвалась миссис Ролстон. — Но, ах, дорогая, если бы он был хоть чуточку милосерднее!

Нетта Эрмстед улыбнулась ей, словно своенравный ребёнок.

— Мне нравится говорить о людях гадости, — сказала она. — Это меня развлекает. К тому же почти всегда это правда. Скажите, что вы думаете о последнем сооружении на голове леди Гарриет? Никогда в жизни она не выглядела столь аристократически безобразной, как вчера на приёме в саду раджи. Мне даже стало жаль раджу: он милый мальчик, несмотря на своих сорок жён, и любит красивые вещи.

Она тихонько рассмеялась, подняла белые руки и сцепила пальцы за головой.

— Я обещала иногда кататься с ним верхом ранним утром. Как же будет ревновать дорогой Дик, когда узнает!

Миссис Ролстон вздохнула. Иногда все её попытки исправить эту легкомысленную бабочку казались напрасными. Но, будучи женщиной твёрдых принципов и безупречной совестливости, она всё же предприняла отважную попытку.

— Как вы думаете, дорогая, стоит ли вам это делать? Мне всегда кажется, что здесь, в Бхулване, нам следует вести себя осмотрительнее, чем внизу, в Куррумпоре. И… если позволите сказать… ваш муж такой хороший, добрый человек, так снисходителен к вам, что пользоваться этим кажется несправедливым.

— Неужели? — рассмеялась Нетта. — Как же плохо вы знаете моего доблестного Ричарда! Да ведь половина удовольствия от жизни — доводить его до бешенства. В последний раз он чуть не перекинул меня через колено и не отшлёпал.

— Дорогая моя, как бы я хотела, чтобы он это сделал! — с неподдельным жаром сказала миссис Ролстон. — Вам бы это пошло на пользу.

— Думаете? — Нетта презрительным движением стряхнула пепел с сигареты. — Всё зависит от обстоятельств. После этого я либо боготворила бы его, либо возненавидела. Интересно, что именно. Бедный старина Ричард! Глупо с его стороны всё время любить одного и того же человека, правда? Я бы при всём желании не смогла быть настолько однообразной.

— Иными словами, если бы он любил вас меньше, вы ценили бы его больше, — заметила миссис Ролстон с необычной для неё суровостью.

Нетта Эрмстед снова рассмеялась своим лёгким, бессердечным смехом.

— Как безжалостно и категорично! Но это чистая правда. Конечно, ценила бы. Сейчас он слишком легко мне достаётся, бедняжка. Вот почему я устраиваю ему собачью жизнь. Мужчина никогда не должен быть слишком доступен собственной жене. А вот взгляните на вашего мужа! Само воплощение равнодушия! И вы за всю жизнь ни на час не заставили его тревожиться.

Бледно-голубые глаза миссис Ролстон внезапно засияли. Она словно снова помолодела.

— Мы понимаем друг друга, — просто ответила она.

На губах миссис Эрмстед заиграла насмешливая улыбка, но на этот раз она промолчала. По-своему она любила жену хирурга и не хотела открыто высмеивать эту милую добрую душу.

— Когда вы совсем закончите с этим, — заметила она немного погодя, — у меня есть собственное платье из туссора, насчёт которого я хочу с вами посоветоваться. Одно хорошо в Стелле: ей не понадобится много нарядов, так что в этом отношении ваше внимание попрежнему будет принадлежать мне безраздельно. Право, не знаю, что бы мы с Тессой без вас делали. Эта несносная малышка вечно рвёт свои платья в клочья.

Миссис Ролстон улыбнулась мягкой материнской улыбкой.

— Вы очень, очень счастливая девушка, — сказала она, — хотя сами этого не понимаете и, вероятно, никогда не поймёте. Когда вы снова приведёте ко мне свою обезьянку?

— Вероятно, она придёт сама, когда ей вздумается, — небрежно ответила миссис Эрмстед. — Уверяю вас, в её списке визитов вы занимаете очень высокое место. Но я почти никуда её не беру. Со мной она всегда так плохо себя ведёт.

С этими словами она выбрала новую сигарету.

— Пока здесь Томми Денверс, она наверняка станет часто у вас бывать. Она его обожает.

— Он славный мальчик, — заметила миссис Ролстон. — Жаль, что ему не удалось получить более продолжительный отпуск. Его присутствие утешило бы Стеллу.

— Полагаю, она может спуститься к нему в Куррумпор, если не пожалеет своего нежного, словно лепесток розы, цвета лица, — отозвалась миссис Эрмстед, со злостью захлопнув коробок спичек. — Вы ведь оставались там в прошлый жаркий сезон.

— Джеральд был нездоров и не мог оставить службу, — сказала миссис Ролстон. — Это совсем другое дело. Я чувствовала, что нужна ему.

— И ради этого чуть себя не погубили, — заметила миссис Эрмстед. — Иногда мне кажется, что вы, несмотря на свою внешность, довольно замечательная женщина.

Она взглянула на наручные часы.

— Боже мой, как поздно! Ваша новая подопечная вот-вот явится. Вы, должно быть, уже полчаса мечтаете выпроводить меня. Глупая святая! Почему же не сказали?

— Я вовсе не хочу, чтобы вы уходили, дорогая, — спокойно ответила миссис Ролстон. — Любой гость оказывает честь моему дому.

Миссис Эрмстед вскочила на ноги быстрым, пружинистым движением.

— Мэри, я вас люблю! — сказала она. — Вы и ангел-хранитель, и верный друг, и бесценный советчик в одном лице. За вашей спиной я смеюсь над вами, называю вас старомодной простушкой, но рядом с вами немею от восхищения. Вы действительно великолепны.

— Спасибо, дорогая, — сказала миссис Ролстон.

Она ответила на порывистый поцелуй с забавным выражением голубых глаз — почти сострадательным, если бы в нём не было столь явного юмора. Однако затягивать объятие она не стала, и Нетта Эрмстед удалилась с лёгким чувством досады и неуверенности.

— Интересно, есть ли у неё вообще хоть капля ума? — произнесла она вслух, быстро уезжая в своей рикше. — Во всяком случае, она странное создание. Даже удивительно, зачем я с ней вожусь.

В эту минуту ей встретился раджа, великолепный в зелёном тюрбане, верхом на любимом гнедом арабском скакуне, и миссис Ролстон вместе со всеми благоразумными советами тотчас отправилась в царство забытых вещей.

Нетта прозвала раджу своим арабским рыцарем. А имя, которым он называл её, было слишком интимным, чтобы произносить его при посторонних. Для него она была лилией с лимонным ароматом из его грёз.

Глава II. Возвращение

Первым впечатлением Стеллы от Бхулваны стала царившая там совершенно европейская атмосфера. Главными её приметами были бунгало и сосновые леса; от томного восточного очарования, преследовавшего Стеллу в запретном раю, здесь не осталось и следа. Бхулвана была весёлым местом, и хотя располагалась довольно высоко среди холмов Маркестана, жара здесь порой стояла невыносимая. Возможно, именно поэтому все силы отдыхающих уходили на устройство развлечений, и в разгар лета жизнь здесь действительно кипела.

Великолепный белый летний дворец раджи венчал вершину холма, а бунгало, теснившиеся среди сосен ниже по склону, словно состязались между собой за право расположиться поближе к нему.

Бунгало супругов Ролстон стояло значительно ниже. Вокруг него было больше открытого пространства, чем возле большинства других домов, а из окон открывался вид на ипподром в некотором отдалении внизу. Домик был маленький и некрасивый, а окружавший его небольшой участок представлял собой настоящие заросли. За расположение его прозвали «Трибуной», хотя трудно было найти человека, менее увлечённого скачками, чем нынешняя хозяйка. Задумчивые голубые глаза миссис Ролстон редко останавливались на ипподроме. Они смотрели дальше, на равнины, затянутые дымкой.

Комната, приготовленная ею для Стеллы, выходила окнами на восток, к извилистой лесной дороге, поднимавшейся к резиденции раджи. Миссис Ролстон приложила немало стараний, чтобы всё устроить как можно лучше. С тех пор как она услышала о внезапной утрате Стеллы, сердце её рвалось к девушке, и радость от предстоящей встречи уступала лишь скорби за неё.

Выше по склону стояло изящное бунгало, которое Ральф Дэйкр снял для молодой жены. Одна мысль о нём разрывала доброе сердце миссис Ролстон. Она написала Томми настойчивое письмо, умоляя не позволять сестре поселиться там в её одиночестве. Под влиянием Томми, а возможно, тронутая и искренней заботой самой миссис Ролстон, Стелла, которой было почти безразлично, куда ехать, согласилась хотя бы на время остановиться у жены хирурга. Никакой необходимости немедленно принимать окончательное решение не было. Вся жизнь лежала перед ней унылой безжизненной пустыней. На этом этапе казалось совершенно неважным, где провести первые безрадостные месяцы. Она устала до глубины души и хотела только покоя.

Стелла смутно надеялась, что миссис Ролстон хватит такта уважать её желание. Представление об этой женщине — единственной, кто проявил к ней доброту с момента приезда в Индию, — оставалось довольно неопределённым. Миссис Ролстон с её поблёкшей красотой и мягкими, застенчивыми манерами не обладала яркой индивидуальностью. Человек, видевший её два или три раза, вряд ли сумел бы дать сколько-нибудь точное описание. Леди Гарриет не раз называла её величиной, которой можно пренебречь. Впрочем, леди Гарриет последовательно пренебрегала всеми, кто не претендовал на светский блеск. Невзрачных женщин она терпеть не могла.

Но Стелла с благодарностью помнила теплоту искреннего восхищения и сочувствия, растопившую её холодность в день свадьбы. И что-то в глубине её души, несмотря на безмерную усталость, жаждало вновь ощутить это тепло. Сама того почти не сознавая, она мечтала о материнских объятиях, которые укрыли бы её от жизненной бури.

Томми встретил её в Равалпинди на страшном обратном пути и с величайшей нежностью заботился о ней и её удобствах. Но Томми, как и Пётр, почему-то оставался за пределами её сокровенного мира. Он был просто неуклюжим мужчиной с самыми добрыми намерениями. Даже если бы она попыталась, то не сумела бы открыть ему сердце. Она была несказанно рада его присутствию и надеялась впоследствии снова присоединиться к нему в Зелёном бунгало в

Куррумпоре, где они жили вместе несколько недель перед её замужеством. Ведь Томми был единственным родственником во всём мире, которому она была дорога. Она очень любила его, но настоящей душевной близости между ними не существовало. Они были просто хорошими товарищами.

Теперь, став замужней женщиной, Стелла больше не опасалась завуалированных ядовитых выпадов, ранивших её прежде. Её положение было прочно. Впрочем, теперь она едва ли стала бы придавать им значение. Подобные мелочи остались в прошлом, и она удивлялась, вспоминая, что когда-то они могли всерьёз её задевать. Она изменилась — изменилась чрезвычайно. За один короткий месяц её девичество осталось позади. Гордая застенчивость исчезла без следа. Она вернулась серьёзной, сдержанной женщиной, равнодушной, почти безучастной, замкнувшейся в себе. Природная величавость по-прежнему была ей свойственна, но теперь она не пользовалась ею как защитой. Она двигалась словно погружённая в глубокую задумчивость, не глядя ни вправо, ни влево.

Увидев её, миссис Ролстон едва не расплакалась — так потрясло её опустошение, которое произвёл этот странный месяц. Мягкое сияние юности исчезло совершенно. Белая и холодная, словно алебастр, одинокая, внутренне опустошённая женщина вернулась из запретного рая. И сначала миссис Ролстон показалось, что самое её сердце было раздавлено, как прекрасный цветок, захлопнувшимися воротами.

Но позже, когда Стелла провела у неё несколько часов, она поняла, что жизнь всё ещё пульсирует где-то глубоко под поверхностью, хотя, возможно ради самозащиты, скрыта так далеко, что никакое случайное любопытство до неё не доберётся. Стелла не могла говорить о своей трагедии, но отвечала на молчаливое сочувствие миссис Ролстон совершенно искренней благодарностью. И та ясно поняла: Стелла не откажет ей в доверии, хотя перед всем остальным миром двери её души останутся закрытыми.

Это открытие глубоко тронуло миссис Ролстон. Со свойственным ей смирением она подумала, что потребность Стеллы в утешении должна быть поистине велика, если та потянулась именно к ней. Почти все её дружеские привязанности и в самом деле зародились в беде, которую она старалась облегчить, но Мэри Ролстон была слишком скромна, чтобы приписывать себе за это какую-либо заслугу. Она лишь благодарила Бога за предоставленные возможности.

Вечером после приезда, когда Стелла ушла к себе, Томми очень серьёзно заговорил о состоянии сестры и попросил миссис Ролстон сделать всё возможное, чтобы преодолеть апатию, которую ему самому никак не удавалось пробить.

— Я ни разу не видел, чтобы она заплакала, — сказал он. — Кто её не знает, решит, что она бессердечная. Я не могу смотреть на эту мертвенную холодность. Это совсем не похоже на Стеллу.

— Нам нужно запастись терпением, — сказала миссис Ролстон.

В глазах юноши самого стояли слёзы, и за это она прониклась к нему ещё большей симпатией, но не стала поощрять дальнейшие откровения. Она не привыкла обсуждать друзей с третьими лицами, какими бы близкими те ни были.

Томми оставил эту тему, даже не заметив, что она осторожно отвела его от неё.

— Я совершенно не знаю, в каком положении она осталась, — беспокойно продолжил он. — Не имею ни малейшего понятия, как обстояли дела у Дэйкра. Надо было спросить его, но случая так и не представилось, да и всё произошло с такой дикой поспешностью. Не думаю, что ему было особенно что оставлять, если вообще что-нибудь было. Дурацкая свадьба, — с горечью заключил он. — Я с самого начала её ненавидел. Монк это знал.

— А капитан Монк ничего не знает? — спросила миссис Ролстон.

— Да одному Богу известно! Монк уехал по неотложному делу, и его нет уже целую вечность. После смерти Дэйкра я его не видел. Не удивлюсь, если он до сих пор даже не знает,

что произошло. Ему пришлось отправиться в Англию. Наверное, теперь уже едет обратно; во всяком случае, я на это надеюсь. Без него здесь чертовски скверно.

— Бедный Томми! — Миссис Ролстон снова прониклась сочувствием. — Всё это ужасно трагично. Но будем благодарны, что дорогая Стелла благополучно вернулась! Я пойду пожелаю ей спокойной ночи. А ты бери всё, что захочешь!

Она вышла, а Томми растянулся в длинном кресле, вздохнув от недовольства всем на свете. За всё время отсутствия Монка он не получил от него ни единой весточки, и это огорчало его едва ли не сильнее всего остального.

Тихо ступая по коридору, ведущему к комнате Стеллы, миссис Ролстон чуть не споткнулась о скорчившуюся фигуру в белом. Та мгновенно и бесшумно поднялась, превратившись в почтительно кланяющегося Петра, слугу-сикха. С тех пор как Стелла овдовела, он каждую ночь спал поперёк порога её комнаты.

— Моя мем-сахиб ещё не спит, — сообщил он с ноткой печали. — Она засыпает только под самое утро.

— А вы спите у её двери? — спросила несколько озадаченная миссис Ролстон.

Высокая фигура снова склонилась с исполненной достоинства учтивостью.

— Это моя привилегия, мем-сахиб, — ответил Пётр Великий.

Он печально улыбнулся и посторонился, пропуская её.

Миссис Ролстон постучала и услышала в ответ негромкий голос:

— Что такое, Пётр?

Она осторожно открыла дверь.

— Это я, дорогая. Ты уже легла? Можно войти пожелать тебе спокойной ночи?

— Конечно, — тотчас отозвалась Стелла. — Как вы добры! Как внимательны!

Рядом с ней горел ночник под абажуром. Лицо на подушке скрывала глубокая тень. Волосы рассыпались вокруг, словно окутывая её тайной.

Когда миссис Ролстон подошла, Стелла протянула ей руку.

— Надеюсь, мой сторожевой пёс вас не испугал? — сказала она. — Бедняга так расстроен из-за того, что я не хочу брать служанку, что изо всех сил старается сам ею стать. Я не могла заставить себя отослать его. Вы ведь не возражаете?

— Дорогая моя, я ни против чего не возражаю.

Миссис Ролстон с присущей ей теплотой наклонилась и поцеловала бледное неподвижное лицо.

— Тебе удобно? У тебя есть всё необходимое?

— Всё, спасибо, — ответила Стелла, мягко увлекая хозяйку сесть на край постели. — Я уже чувствую себя отдохнувшей. Почему-то одно ваше присутствие приносит покой.

— Ах, дорогая моя! — Миссис Ролстон вспыхнула от удовольствия. Комплименты ей доводилось слышать нечасто. — И ты думаешь, что сможешь уснуть?

Глаза Стеллы выражали невыразимую усталость, но она покачала головой.

— Нет. Я почти никогда не засыпаю до утра. Наверное, я слишком много спала в Кашмире. Там дни и ночи казались частью одного бесконечного сна.

Её передёрнула лёгкая дрожь; она подавила её слабой улыбкой.

— Здесь жизнь будет совсем другой, — сказала она. — Может быть, теперь я наконец проснусь. Обычно я вовсе не склонна предаваться мечтам.

На глазах миссис Ролстон мгновенно выступили слёзы. Она молча погладила руку Стеллы.

— Я хотела вернуться с Томми в Куррумпор, — продолжила Стелла, — но он и слышать об этом не желает, хотя сам говорил, что вы провели там всё прошлое лето. Если вы выдержали, значит, и я выдержу. Уверена, физически я гораздо сильнее вас.

— О нет, дорогая, нет. Ты бы не выдержала.

Миссис Ролстон с большой нежностью посмотрела на прекрасное лицо.

— Я, знаешь ли, крепкая, высохшая и жилистая. К тому же у меня была очень веская причина остаться. Но ты совсем другая. Ты никогда не выдержишь жаркий сезон в Куррумпоре. Не могу передать, что там творится. В худшие дни это невыносимо. Я очень рада, что Томми понимает, насколько это невозможно. Нет, нет! Оставайся у меня, пока я сама не спущусь вниз! Я всегда уезжаю первой. И мне будет так приятно заботиться о тебе.

Стелла отказалась от спора с коротким вздохом.

— Кажется, не так уж важно, что я делаю, — сказала она. — Томми, конечно, во мне не нуждается. Никто не нуждается. И боюсь, вы очень скоро от меня устанете.

— Никогда, дорогая, никогда.

Миссис Ролстон ободряюще сжала её руку.

— Даже на мгновение не допускай такой мысли! С самого первого дня нашего знакомства я мечтала о том, чтобы любить тебя и заботиться о тебе.

По лицу Стеллы скользнуло удивление.

— Как это необыкновенно добро с вашей стороны! — сказала она.

— О нет, дорогая. Это всё благодаря тебе. Ты так прекрасна, — пробормотала жена хирурга. — И я знала, что ты прекрасна вся — до самой глубины души.

— О, не говорите так! — резко перебила её Стелла. — Не думайте так! Вы совсем меня не знаете. В вас… в вас гораздо больше душевной красоты, чем во мне или чем я теперь когда-либо смогу обрести.

Миссис Ролстон покачала головой.

— Но это правда, — настаивала Стелла. — Я… кто я такая?

В её негромком голосе невольно прозвучала дрожь страсти.

— Я женщина, у которой отняли всё. Меня изгнали, как Еву, но не дали даже того утешения, которое было у Евы. Если бы мне подарили ребёнка, которого я могла бы любить, у меня ещё оставалась бы надежда. Но теперь у меня нет ничего… никакой надежды. Я ожесточилась, стала горькой, состарилась раньше времени — и уже никогда не буду другой.

— О, милая, нет! — Миссис Ролстон поспешно остановила её. — Поверь, ты ошибаешься. Мы можем сделать свою жизнь такой, какой захотим. Поверь мне: даже бездетная женщина может стать счастливой матерью детей, если пожелает. Всегда найдётся кто-то, кого можно любить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.